

ГАЛИНА РОМАНОВА

ОБМАНИ МЕНЯ КРАСИВО

Детективы Галины Романовой. Метод Женщины

Галина Романова
Обмани меня красиво

«ЭКСМО»

2008

Романова Г. В.

Обмани меня красиво / Г. В. Романова — «Эксмо»,
2008 — (Детективы Галины Романовой. Метод Женщины)

ISBN 978-5-699-26317-2

Обман... От него до предательства и измены всего один шаг... Именно эта беда пришла в счастливую жизнь красавицы Полины. Любимый муж Евгений обманывает ее! Об этом регулярно сообщает по телефону неизвестная женщина, делая существование Полины просто невыносимым. А затем приходит новое несчастье – при странных обстоятельствах погибает супруг сестры... Полина в ужасе: она выяснила, что в мир иной ему помог отправиться именно Евгений... Что делать? Начать следить за ним, чтобы, следуя советам телефонной доносчицы попытаться вывести на чистую воду? Или, бросив все, бежать, прочь, пытаясь тем самым спасти хотя бы свою жизнь?.. Сложно было представить, что авантюрная идея изложить на бумаге придуманную криминальную историю внезапно перерастет во что-то серьезное и станет смыслом жизни. Именно с этого начался творческий путь российской писательницы Галины Романовой. И сейчас она по праву считается подлинным знатоком чувств и отношений. В детективных мелодрамах Галины Романовой переплетаются пламенная любовь и жестокое преступление. Всё, как в жизни! Нежные чувства проверяются настоящими испытаниями, где награда — сама жизнь. Каждая история по-своему уникальна и не кажется вымыслом! И все они объединены общей темой: настоящая любовь всегда побеждает, а за преступлением непременно следует наказание. Суммарный тираж книг Галины Романовой превысил 3 миллиона экземпляров!

ISBN 978-5-699-26317-2

© Романова Г. В., 2008

© Эксмо, 2008

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	31
Глава 4	36
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Галина Романова

Обмани меня красиво

Глава 1

Апрель был любимым временем года для нее. Вся грязь смывалась с мартовским половодьем и дождями. Подсыхали лужи, оставляя после себя нечеткие контуры, напоминавшие границы неведомых государств на географических картах. Из-под старой листвы, которую не успели собрать до первого снега, начинала буйно лезть трава. Сочная такая, яркая, удержаться и не выдернуть пучок было просто невозможно. А выдернув, как не растереть в ладонях и не втянуть в себя ее пряный запах... Такой мог быть только у апрельской травы. Никогда потом она не пахла такой свежестью, растревоженной легкими заморозками, серебрившими ее по утрам. Потом все будет не так. Все начнет набирать силу и утратит прелесть будоражащего ожидания.

Именно в таком будоражащем ожидании и жила последние дни Лиза. Внутри все бродило и томилось, все ждало перемен, к которым, как она считала, она была давно готова. Созрела, как сказал вчера отчим. Сказал, прищулив хмельные глаза и совсем не осознавая, что попал в ту самую точку, с которой начинается отсчет всему.

Лиза остановилась у подъезда дома, в котором жила, и подняла глаза к своим окнам. Света не было. Мать сегодня дежурила, а в ночное дежурство у нее всегда что-нибудь да происходило. То собьют кого-нибудь на скоростной трассе, которая опоясывает их город. То наркомана с передозняком привезут. Так что опасаться ее вмешательства в планы сегодняшнего вечера было не нужно. Отчим вечно пропадал последнее время, это тоже было кстати. Видеть его особенно не хотелось. Ходили слухи, что старый кобель нашел себе молодую любовницу-разведенку и таскается к ней теперь в каждое ночное дежурство матери. Лиза, конечно же, могла вмешаться, и влюбленному козлу давно бы вправили мозги. Но не хотелось. Не хотелось, во-первых, влезать в их сложные взаимоотношения, понять которые она так и не смогла. Во-вторых, ей было некогда этим заниматься. Она была на пороге таких великих перемен, что распылять себя на что-то еще значило поставить крест на своих планах. Этого допускать никак было нельзя.

Она вставила ключ в замок, дважды провернула и через минуту, войдя в квартиру, заперла за собой дверь. Щелкнула выключателем. Яркий свет под потолком осветил просторную прихожую. «Все как у людей», – любила говорить ее мать, совсем не зная, как это может быть у людей-то. По ее плебейским понятиям, людьми считались те ее коллеги, которые имели квартиру, дачный участок в четыре сотки, «Жигули» и ежегодный отпуск на заповедных курортах.

Смешно! Лиза многозначительно улыбнулась своему отражению в большом зеркале, которое родители вытащили из старого трюмо и примостили к двери встроенного в нишу шкафа.

Разве это может считаться показателем достатка?! Это все мелко! Ничтожно мелко, это за версту воняет обывательской ограниченностью. И это все не для нее, вот уж точно! И если мамочка со своим козлом-мужем думает, что ее дочь пойдет по ее стопам, то она очень сильно заблуждается. Она сама выберет себе жизненный путь. Она ни за что не повторит печальный опыт своей докторши-матери, вышедшей в первый раз замуж за педиатра-неудачника, спившегося на четвертый год их совместного бытия, а во второй – за кадрового военного, методично и планомерно взимающего мзду с косящих от армии призывников.

Нет, уважаемые родители! Это все не про нее! К черту ваши планы относительно ее судьбы! К черту и к дьяволу, а может, это одно и то же лицо, но пусть все катится именно туда! Скоро, уже очень скоро она перестанет быть просто Лизой, умной, серьезной девушкой, ученицей десятого класса городской средней школы со спортивным уклоном. Уже очень скоро она произведет фурор! Она заставит эту жизнь спиралью закручиваться именно вокруг ее скромной персоны, а не вокруг кого-нибудь еще. У нее уже все готово. Осталось только немного доработать ее безукоризненный план и дожидаться летних каникул, и тогда...

Лиза медленным движением стянула с шеи тонкий шарфик. Сдернула с волос резинку, распуская волосы по плечам. Раньше они никогда ей не нравились: она находила их чересчур густыми, чересчур прямыми и чересчур тяжелыми, да и цвет не особо радовал – цвет прелой соломы, только такую оценку давала Лиза своей шевелюре. Она даже завидовала подругам, у которых на висках и затылке закручивались миленькие колечки. Но потом все изменилось. Изменилось в тот самый момент, когда ОН сильными руками ухватил ее за затылок и, пропуская пряди ее волос сквозь пальцы, прошептал:

– Девочка моя... Какие у тебя волосы шикарные. Я ни разу в своей жизни не видел ничего подобного! Никогда не вздумай их подстригать, слышишь!

Она лишь согласно кивнула, не смея сказать, что, прикажи он ей прыгнуть сейчас в костер, возле которого они грелись, она бы прыгнула не раздумывая. А тут стрижка! Великое дело!..

Лиза собрала волосы и подняла их повыше, открывая тонкую грациозную шею – кожа гладкая и белая. ОН находил ее потрясюще нежной. Едва касался губами вот этого самого места, чуть ниже мочки ее уха, и говорил, говорил, обдавая ее СВОИМ дыханием, от которого у нее отнимались ноги и делалось страшно пусто в животе. И ей – стыдно признаться самой себе – так хотелось, чтобы он не останавливался, чтобы ОН продолжал, чтобы ЕГО руки не наталкивались на невидимую преграду, останавливаясь на уровне ремня ее джинсов, а делали что-то еще. Что-то такое, чего жаждало ее тело и просила ее душа.

Господи, Лиза и представить себе не могла, что у нее может быть душа! До недавнего времени она была просто клевой девчонкой, равной которой в волейболе в их школе не было, у которой были классные сиськи и самые ништячные в школе ноги. И вообще, она была телка с понятием и не орала всякий раз как резаная, когда ей пару раз влепили со всей силы по лицу мячом. И деньги не жала. И диски у нее были отпадные. И все у нее было при всем. Но вот о том, что у нее есть душа, не знала даже она сама.

А душа эта самая неожиданно начала выделять с ней дикие вещи. Заставляла томиться и плакать, когда ОН долго не звонил и не приезжал. Потом вдруг заходилась безудержным весельем и просила чего-то большего, такого, что ОН пока не мог ей дать.

– Малыш, ты же у меня такая умница, ты же все понимаешь, – мягко увещевал ОН ее, когда Лиза, истосковавшись, начинала искать с ним встречи. – Не нужно торопить время, его у нас с тобой – вся оставшаяся жизнь. Все еще у нас с тобой будет.

Будет! Лиза едва сдерживалась, чтобы не фыркнуть возмущенно в телефонную трубку. Когда еще это будет?! Она за это время успеет сто раз состариться, и климакс у нее две сотни раз наступит, и морщинами успеет сверху донизу покрыться, и целлюлит тут как тут – не дремлет. Неужели так сложно понять? Ей же надо сегодня и прямо сейчас видеть ЕГО! Слышать ЕГО голос, замирать от счастья, когда ОН называет ее «малыш», или «девочка моя», или «маленький мой»... В этом была такая чудовищная прелесть! Когда ЕГО грубоватый немного голос нежно так выговаривал с собственническими интонациями: «девочка моя». Господи, Лиза визжать была готова уже только от одного этого. Это тебе не подростковые сопли по щеке вроде: «Лизка, ты ваще... Ты, блин, ваще, целуешься так...» Одного такого прошлогоднего опыта с Сашкой-соседом ей хватило, чтобы поставить крест на всяких отношениях с ровесниками.

С НИМ все было другим. Все было чарующим, неизведанным. Ему можно было довериться, не опасаясь, что он начнет краснеть, сопеть и отстраняться от тебя вздыбившейся частью своих брюк, вроде она такая идиотка и не понимает, что у мальчика наступила эрекция оттого, что он осмелился первый раз в своей жизни невзначай коснуться ее груди!

ОН не боялся! Не боялся ничего. ОН трогал ее, правда, все больше через одежду. И прижимал к себе так тесно, что она чувствовала собой каждый дюйм его крепкого мужского тела. И ощущала дикое желание, выхода которому он не давал. И с ума сходила от того, как ОН глухо, почти неслышно стонал, вжимая ее в себя. Она и сама пару раз не сдержалась и тихо, с подсвистом простонала и готова уже была просить ЕГО о том запретном, о чем день и ночь ее предупреждает мама. Но ОН вовремя уловил момент и отодвинулся, тут же начав говорить о чем-то нейтральном...

Лиза стянула кроссовки, аккуратно поставила их под вешалкой. Повесила на крючок куртку и пошла к себе в комнату. Там царил полумрак. Светилось лишь огромное пятно монитора. По привычке тут же подошла к компьютеру и шевельнула мышью, прогоняя заставку. Сообщений не было... Что же, все правильно. ОН не станет так рисковать. В ее комнату вход не был заказан ни матери, ни отчиму. Последний так вообще любил пройтись по порносайтам. Лиза его однажды застукала за этим занятием. Он пытался что-то сбивчиво объяснить ей и краснел при этом, как подросток. Но она давно уже перестала быть дурочкой и все поняла еще с порога.

Лиза вообще стала очень понятливой девушкой с тех самых пор, как в ее жизнь вошел этот человек. Понятливой и еще послушной. Ему не нужно было повторять ей дважды, как это делала мать, например. Она улавливала все по повороту его головы и по едва уловимому движению его губ.

Однажды они сидели в кафе в совершенно чужом городе, где их никто не мог знать. Пили кофе, ели вкусные воздушные пирожные и болтали ни о чем. Потом за ее спиной звякнула дверным колокольчиком дверь, и тут же лицо ЕГО напряглось. Лиза сразу поняла, что вошел кто-то, кто мог знать ЕГО. Она среагировала молниеносно: взяла надкусанное пирожное, завернула его в салфетку, подхватила со спинки стула свой рюкзак и с совершенно отчужденным видом ушла на улицу. У входа она столкнулась с молодой супружеской парой. Супруги полуобнявшись приветливо кивали ЕМУ и пытались что-то сказать прямо с того места, где стояли. Мир оказался настолько тесным, что столкнул лоб в лоб двух компаньонов именно в том месте, где ОН отдыхал со своей любимой, то есть с ней. Все это ОН рассказал ей уже потом, час спустя. А этот час ей пришлось провести на улице. Лиза продрогла до костей, исходила все окрестности этого кафе, пересчитала все деревья и скамейки в скверике, проклиная свою несчастную судьбу, выгнавшую ее из уютного тепла на такой холод. Но стоило ей сесть в ЕГО машину – шикарный серебристый «Лексус», как она тут же забыла обо всех неудобствах. А как было не забыть, когда ОН взял ее озябшие пальцы в свои ладони, поднес их к губам и принялся отогревать дыханием, приговаривая:

– Маленький мой, совсем продрог! Прости меня, ради бога! Я никак не мог от них отделаться, пришлось сочинить целую легенду о том, зачем я здесь... Ты не обиделась?!

Счастливая Лиза лишь отрицательно качнула головой, а через пару дней слегла с жестокой простудой. Мама тогда искудалась: где да где ее дочь могла так сильно простудиться, когда почти из дома не выходит? Поставила ей ошибочный диагноз, мотивируя инфекцией, и тут же успокоилась. Отчим тоже что-то там, кажется, озабоченно кричал, типа – беречь здоровье нужно смолоду, но и он тоже быстро утомился. Не хотел успокаиваться лишь Сашка.

Во-первых, он достал ее за время болезни своими посещениями. Во-вторых, завалил подарками и советами. А в-третьих, он извел ее вопросами. Лиза просто изнывала от желания наорать на него и выгнать из дома. Сдержалась по причине жалости: слишком уж удрученным выглядел ее сосед и воздыхатель в одном флаконе. Сдержалась еще и из соображений соб-

ственной безопасности. Она иногда привирала матери, ссылаясь на то, что время проводила с Сашкой. Мать у него никогда не спрашивала, да Сашка бы и не выдал ее – промычал бы что-нибудь нечленораздельное, а потом бы страдал недели две.

Вот ведь угораздило ее с ним связаться! Сколько раз потом ругала себя за это! Для нее это был первый, ни к чему не обязывающий поцелуй. А для него, как оказалось, все было слишком серьезно...

Не успела Лиза опуститься на стул у компьютера, в дверь позвонили. Девушка метнулась в прихожую и прильнула к дверному «глазку». Вот ведь! Стоило о нем подумать, как он тут как тут!

За дверью и правда стоял Сашка Новиков. И он отчего-то нервничал. Кусал губы, ерошил сильно отросшие волосы и смотрел прямо ей в глаза. Во всяком случае, ей так показалось, потому что взгляд его был направлен прямо в дверной «глазок».

– Ты почему не на тренировке? – выпалила Лиза, открывая дверь. – И из школы раньше времени ушел. Совсем рехнулся?! Неприятностей хочешь? Смотри, возьму и Степке все расскажу, он тебе...

– Чего он мне? – Сашка тяжело посмотрел на нее, зашел в прихожую и тут же запер за собой дверь. – Ремня даст? Мне-то ничего не будет, Лизок, а вот тебе...

– А что мне! – фыркнула Лиза независимо, тряхнула волосами и пошла из прихожей в гостиную, заведомо зная, что Сашка поплетется за ней и без приглашения.

– А то! – Сашка сел в свое любимое кресло у балкона и тяжело, совсем по-взрослому посмотрел на нее. – Я ведь молчу, молчу, да как начну говорить. Так тебя сразу под замок посадят, дуру!

– Три ха-ха! – Лиза зло прищурилась, охватывая взглядом всю его кряжистую невысокую фигуру. – Думаешь, испугалась тебя, да? Плевать мне на твои угрозы! Можешь трепать что хочешь! Воистину говорят: сила есть – ума не надо! Мышцу накачал и думаешь, крутой стал, да?

– Ну не круче твоего хахаля на «Лексусе», куда уж нам, сирым да убогим! – произнес он с кривоватой ухмылкой и, заметив, что она побледнела, уже более твердо добавил: – Но мы тоже не лохи, поняла? Не нужно воображать, что ты умнее всех. Думаешь, не знаю, где ты зимой простудилась?

– Где же? Может, расскажешь то, чего я не знаю?

Лиза его уже почти ненавидела. Ненавидела всего целиком с его нелепой физиономией с намечающимся фурункулом на левой скуле, с его дурацкими спортивными штанами, которые вечно сползали у него с бедер, и с его вытянутой выцветшей футболкой с прорезами, которые считались у него стилем. Бред просто! Как она могла с ним целоваться тогда в подъезде да еще позволила себя погладить по талии! Не иначе с головой у нее было не все в порядке...

– Дура ты, Лизка. – Сашка покраснел до корней своих светлых волос, торчавших клоками в разные стороны. – Неужели не понимаешь, что он тебя поматросит и бросит? Нужна ты ему, как же! Нет, конечно, я его вполне понимаю...

– Что ты понимаешь-то, пенек?! – фыркнула Лиза злобно, перебивая его затянувшийся монолог.

– Я все понимаю, – уверил ее Сашка и скрестил на груди руки в буграх мышц. – Даже больше, чем ты, дуреха.

– Еще раз обзовешь, получишь по фейсу, понял?! – заорала она на него и швырнула в него тапку. – Зачем вообще приперся?! Увидел, что мать на дежурстве и отчим не вернулся... с работы?

– Знаем мы его работу, как же. – Сашка криво ухмыльнулся, вытянул ноги и принялся нервно подергивать ступнями, потом заметил маленькую дырочку на левом носке, снова

покраснел и, подтянув под себя ноги, произнес: – Сволочь он, Лизок. Хочешь, я ему морду набью?

– Не твое дело! – поморщилась Лиза, не желая впутывать посторонних во внутрисемейные разборки. – Пусть сами разбираются. Ты в своих проблемах разбирайся, а к нам не лезь.

– У меня, Лизка, сейчас только одна проблема, и ты знаешь, какая именно. – Голос у Сашки заметно подсел, хотя внешне он держался молодцом.

– Представь себе, не знаю. И даже больше того: знать не желаю. И вообще, что ты ко мне прилип?! По тебе вон половина старшеклассниц с ума сходит, выбирай – не хочю.

– Мне никто не нужен, – еле выдавил он из себя и чуть подался вперед. – Мне, кроме тебя, никто не нужен, Лизок, ты же знаешь! Зачем заставляешь повторять это?! Мне же каждое слово из себя клещами приходится тащить, а ты, блин, как не человек вовсе...

– Я тебя ни о чем не прошу! – отрезала она и, заметив блуждание его глаз в глубоком вырезе своей футболки, тут же обнялась с диванной подушечкой. – Ты иди, Саша. Поздно уже. Придет отчим, начнет потом понимающе кричать. Иди!

Сашка поднялся с кресла, все так же не разнимая скрещенных рук. Напружинившись, как перед прыжком, несколько минут просто молча смотрел на нее. А потом вдруг не к месту спросил:

– Слышала, поход организуют на майских праздниках?

О походе она слышала краем уха. Говорили об избранных. О том, что средств отпущено немало. А еще что-то о том, что будет проведена какая-то замороченная акция на тему выживания в экстремальных условиях. Ей это было неинтересно, потому что должен был приехать ОН. Забрать ее на целых два дня и увезти куда-то. Куда, ОН не стал уточнять. Лиза тут же дала согласие, зная, что мать с отчимом собрались на праздники к бабке. И тут же... тут же поняла: или теперь, или никогда! Они еще ни разу не проводили вместе ночь. Еще ни разу не лежали в одной постели. А совместная поездка на целых два дня именно это и подразумевала...

– Ты должна там быть, – вклинилось в ее мозг ультимативное Сашкино заявление.

– Что?! – Лиза не столько опешила от самого заявления, сколько от той категоричности, с которой он это самое заявление озвучил, и потом, ей сделалось интересно, и она спросила: – С чего это вдруг?

– Я так хочу! – Он вдруг пошел прямо на нее, остановился в полуметре от дивана, на котором Лиза сидела, опустил на корточки. – Потому что я так хочу, Лизок, и ты так сделаешь. И ничего не хочу слышать! Ты... так... сделаешь, иначе...

– Иначе что? – Внутри неприятно заньюло от того, как именно он смотрел на нее.

– Иначе я все расскажу твоей матери об этом крутом козле на «Лексусе». Расскажу, как ты с ним тискаешься на заднем сиденье его машины, почему заболела, как бродила целый час вокруг той забегаловки, где он со своими друзьями не спешил проститься...

– Откуда ты?! – Лиза похолодела, сведения, которыми обладал Сашка, были мало сказать взрывоопасными – пусти он их в ход, родители запросто лишат ее всех надежд на счастливое будущее. – Откуда ты все это знаешь?!

– Неважно. – Он противно ухмыльнулся и тут же, заметив ее испуг, нагло положил ей руки на колени, обтянутые джинсами. – Важно то, что ты должна быть со мной в этом походе, поняла?

– А если... если не буду? – У нее не было даже сил стряхнуть со своих коленей его горячие ладони, которые жгли ее хуже каленого железа.

– Тогда можешь поставить крест на своей любви, Лизок. Уж я постараюсь, будь уверена! Тебя еще в прошлом году хотели спроводить – куда? Если не ошибаюсь, к двоюродной бабке куда-то в глушь сибирскую? Тогда ты отбрыкалась. Но ведь можно все это и возобновить. Уж туда-то он к тебе не поедет, будь уверена. Да и бабка, по слухам, у тебя цербер еще тот... Так как, Лизок, что скажешь?

– Ты меня шантажируешь? – догадалась она и гадливо передернулась. – Мерзость какая!

– Мерзость в том, что ты сейчас делаешь, Лизок, и не более того, – заметил Сашка и нравоучительно изрек: – Все тайное рано или поздно становится явным. Если станет явным твое тайное, страшно представить что будет.

– Уходи! Уходи немедленно! – Она вскочила и, оттолкнув его так, что он шлепнулся на пол, отбежала на безопасное расстояние. – Убирайся! Видеть тебя не хочу!

– Твой ответ – и я ухожу, – упрямо повторил он, не делая попытки подняться, сжал кулаки и принялся постукивать ими себе по согнутым коленям в ожидании ее ответа. – Ну?!

– Хорошо, хорошо, – пробормотала Лиза, растерявшись от того, в какое дурацкое положение попала, и не зная, что отвечать ему. – Я подумаю. Ведь у меня еще есть время?

– Ладно. – Кажется, он даже обрадовался такому повороту. Поднялся с пола, поддержал штаны и пошел, на ходу выговаривая ей: – Только не вздумай, Лизок, оставить меня в дураках. Это опасно, ты же понимаешь...

Она все понимала. Она всегда лучше других понимала, что, как и когда необходимо предпринять, чтобы не попасться. Но что делать сейчас, она не имела представления. Это была катастрофа! Причем катастрофа таких глобальных масштабов, что ей впервые по-настоящему сделалось страшно. Выход был только один: нужно идти в этот чертов поход, будь он трижды неладен!

Лиза обессиленно рухнула на диван, спрятала лицо в подушку и, не сдержавшись, расплакалась злыми безнадежными слезами.

– Гадина! Сволочь ненормальная, чтоб ты провалился! – шептала она, давясь рыданиями. – Что мне теперь делать?!

Как именно она скажет ЕМУ о том, что не сможет провести с ним праздники, Лиза не представляла. Заболеть, умереть, сойти с ума, исчезнуть с лица земли?! Господи, почему так сразу все рушится? Она только-только позволила себе помечтать о запретном, как вмешиваются какие-то неведомые силы и все летит к чертям собачьим. Как? Как она ЕМУ скажет? ОН же слушать не захочет – в лучшем случае, в худшем – рассмеется и пошлет ее куда подальше. Нет, про поход ЕМУ точно ничего не стоит говорить. Нужно придумать что-то до такой степени убедительное, что ОН все сразу поймет и не захочет с ней расставаться. Она скажет ЕМУ, что... Что?! Она скажет ЕМУ, что мать не оставляет ее одну дома и настаивает на том, чтобы Лиза поехала вместе с ними? Что же, вполне правдоподобно и даже объективно. ОН поверит. Не может не поверить.

А Сашка, гад!.. Пусть не тешит себя мыслью, что раз уж она пошла на поводу у него, то сразу и записала себя в проигравшую команду! Фиг два что у него выйдет! Она на пушечный выстрел его к себе не подпустит. И все его нездоровые желания так желаниями и останутся. Она еще ему покажет, пусть так и знает. Она сумеет сделать так, что этот поход он запомнит надолго...

Глава 2

Все началось как-то вдруг и сразу. Мгновенно закрутилось на ровном месте крохотным вихрем. И пошло, и пошло... Разрослось и тут же все смело на своем пути.

Полина тысячу раз пыталась потом вспомнить, в какой же момент оборвалось счастливое течение ее жизни, когда именно беда вползла в ее судьбу трехглавым ядовитым змеем и разом обвила своим гадким осклизлым телом все ее безоблачное существование и забрызгала ядом все вокруг?! Пыталась – и не могла. Понимание пришло, но пришло оно много позже: тогда, когда она уже была способна что-то понимать, взвешивать, переоценивать и мысленно начинать проживать свою недолгую жизнь заново.

Сейчас же, прямо в этот самый момент, она держала у своего уха телефонную трубку и все никак не могла осознать, что хочет от нее незнакомая женщина, упорно старающаяся завладеть ее вниманием.

Звонок был странным уже сам по себе, потому что прозвучал в неурочное время – в восемь тридцать утра. В это время Полина еще спала, ее Женька уже уехал, а Нина Ивановна, помогавшая ей по хозяйству, приходила ближе к двенадцати. В восемь тридцать ей никто и никогда не звонил. А тут вдруг звонок...

– Алло! А кто это? – Женский голос не был ей знаком, в нем отчетливо проступала напряженность, как если бы человек долго собирался с силами и нервничал, прежде чем решиться на диалог.

– А вам кого, собственно, нужно? – Полина с трудом сосредоточилась, нашла взглядом часы и вновь мысленно ужаснулась. – Что вы хотели?

– Мне нужна Полина, – сказала женщина после паузы и тут же уточнила: – Кириллова Полина. Это вы?

– Да, это я. А что, собственно...

– Ваш муж вас обманывает!.. – В трубке что-то засвистело, зашуршало, следом кто-то судорожно вздохнул – или всхлипнул? – и снова: – Ваш муж мерзавец! Он вас обманывает!

– Каким образом? – догадалась Полина спросить, потому что задать хоть какой-то вопрос была просто обязана, понимать-то она по-прежнему ничего не понимала.

– По-разному, – пояснили ей туманно. – Вы – красивая безмозглая кукла, и больше ничего! Он обманывает и использует вас с первого дня вашей совместной жизни. А у вас даже не хватает ума оглядеться вокруг себя и понять, что происходит.

– А что хоть происходит-то? – вскричала Полина, потому что, ну хоть убей, ничего не происходило.

– Скоро... Уже очень скоро вы все поймете. Вам нужно только присмотреться внимательнее, и тогда вы все поймете.

На такой вот загадочной ноте неизвестная дама оборвала свою обличительную речь в адрес ее Женьки и бросила трубку, так и не сказав, что же ей было нужно на самом деле.

Полина положила трубку на телефонный аппарат, гнездившийся на крохотной полке голубого стекла у нее в изголовье, и какое-то время бездумно рассматривала люстру под потолком в их спальне. Люстра была очень дорогой и очень красивой. Масса завитков, подвесок, переплетений, масса всего того, что вспыхивало, и играло, и отражало, стоило зажечь свет. Потом она сместила взгляд на зеркальный шкаф, занимающий все пространство северной стены: красивый такой шкаф, огромный, вмещающий большое количество модной одежды, которая появлялась на прилавках дорогих магазинов их города. Если убрать из шкафа все эти вещи, то Полина могла бы там запросто прогуляться.

– Бред какой-то! – пробормотала она растерянно, поймав свое бледное отражение в зеркальной двери шкафа. – Что за дура звонила, интересно?

Дура забыла представиться. Да и вообще вела себя довольно-таки странно. Вздыхала, чем-то шуршала, свистела. Складывалось такое ощущение, что она записывает их разговор и неисправная аппаратура фонит, издавая такие неприятные звуки. Но этого быть не могло по сути своей. Кому, интересно, нужно записывать бессвязный лепет двух незнакомых между собой женщин, одна из которых, между прочим, еще не совсем проснулась? Словно в подтверждение этого довода, Полина широко и протяжно зевнула. Завозилась, натягивая до самого подбородка теплое пуховое одеяло, зачехленное шелковым пододеяльником, закрыла глаза, пытаясь уснуть, но тут же снова их открыла.

Прекрасное начало дня, нечего сказать! Какой-то идиотке вздумалось скоротать время: она садится за телефон, берет в руки городской справочник и начинает обзванивать тех людей, на фамилиях которых по какой-либо причине остановился ее взгляд. Могло такое быть? А почему нет! Очень даже могло... если бы телефон был записан на нее и еще если бы их номер вообще значился в справочнике. Ни первого, ни второго не было. Телефон был зарегистрирован на мужа, в справочнике он не значился, а дама, между тем, уточнила ее имя и фамилию, прежде чем начать говорить.

Что именно она сказала? Полина в тот момент еще не совсем проснулась, не очень четко могла соображать, а в этом деле ей не было равных, и потому дословно их краткий диалог припоминала с трудом. Нет, стратегическую направленность разговора она помнит. Просто в тот момент она не заостряла внимание на паузах, интонации, одним словом, на всем том, что могло бы навести ее на какую-то мысль. Что-то, кажется, было о том, что ее муж мерзавец и что он ее обманывает.

Ее милый славный Женечка ее обманывает?! Этого не могло быть! И совсем даже не потому, что он был до мозга костей порядочным человеком, в конце концов, и на старуху бывает проруха, а потому, что обмануть конкретно ее, Полину, было абсолютно невозможно. Ну наградил господь ее такой способностью, что тут подделаешь! Она каждым нервом чувствовала фальшь. Могла в любом неприязненном к себе отношении рассмотреть хорошо завуалированную симпатию и наоборот...

О своем муже она знала все, потому что именно она его создавала. Как талантливый скульптор, год за годом Полина создавала из хорошей заготовки великолепное творение, призванное стать ее спутником на всю оставшуюся жизнь.

Ей ли было не знать, почему он хмурится или улыбается. Кто еще мог посоветовать ему, что именно надеть на вечер по случаю юбилея, а что – для выезда за город. С кем из деловых партнеров ему следует переступить черту просто делового общения, а с кем ограничиться рамками, не выходящими за порог кабинета. Каждая морщинка на его лице, каждая складка в уголках его рта, каждый взмах руки могли рассказать ей о том, что для других оставалось тайной.

Полина знала своего Женьку уже целых три года, два с половиной из которых они прожили бок о бок, не расставаясь больше чем на время, ограничивающееся его рабочим днем. Он все время был у нее на виду. Кто мог после этого заявлять, что он ее обманывает? Да, это, пожалуй, самый главный вопрос, которым ей стоит забивать себе голову сегодняшним утром. Не то, каким именно образом обманывает ее Женька, потому что такое просто само по себе исключается. А то, кому это вдруг понадобилось нагадить ей в душу, да еще с самого раннего утра. То, что имелось целью испортить ей настроение или, того хуже, вбить между ней и мужем клин, было очевидным. Это Полина мгновенно просекла своим прославленным чутьем, объяснения которому она никогда не находила и которое ее еще ни разу не подвело в этой жизни.

Вопрос «кому это выгодно?» оставался открытым, поскольку круг ее общения ограничивался мужем, домработницей и семейством ее сестры Ирки.

Муж исключался, поскольку ни одному здравомыслящему человеку не придет в голову наговаривать на самого себя.

Домработница была настолько приятна, хлопотлива и необременительна, что Полина ее порой даже не замечала в своем доме, к тому же платили ей щедро и часто делали подарки. Пилить сук, на котором эта женщина сидела прочно и беспроblemно, она бы не стала.

С семейством Ирки вообще все было заранее известно, там некому было желать ей зла. Сестры очень любили друг друга. Иркиного мужа Антоху Полина всегда защищала и выгораживала, за что он ей был по гроб жизни обязан и любил ее как родную. К тому же заподозрить его в каких-то скрытых гадких мотивах Полина не могла уже по той простой причине, что Антохе было некогда заниматься подобной ерундой. Занятости этого неплохого по сущности своей человека могли позавидовать многие. Все свободное от работы время, а работал он в налоговой, Антоха бывал пьян. Думать о нем как о возможном претенденте на роль подозреваемого Полина не могла.

Все, больше она практически ни с кем не общалась. Кровных врагов не имела. Все ее подруги остались в прежней холостой жизни. С супругами Женькиных сослуживцев Полина даже не созванивалась, ограничиваясь встречами на званых вечерах.

Кто же тогда?! Она откинула край одеяла и критически осмотрела всю себя от кончиков пальцев на ногах до самого верха, насколько позволил ей угол ее зрения. Может ли Женька желать другую женщину, имея в своей жизни ее? Хм-м, вопрос, конечно, интересный, могущий вывести ее бог знает на какие уровни рассуждений. Может, конечно же, может, потому что с мужиками в этом плане вообще все непонятно: кого они любят, а кого замуж берут, и кого потом снова любят. Но вообще-то с ней все в полном порядке. Все пропорционально, бархатисто, свежо и подтянуто. А все почему? А все потому, что три раза в неделю шейпинг, два раза – бассейн, солярий и массаж, косметологом опять же не брезгует. Откуда тут взяться времени, чтобы перейти кому-нибудь дорогу? Полина порой едва успевала вернуться домой к тому часу, когда возвращался с фирмы Женька.

Нет, надо искать где-то еще. Она тут точно ни при чем. Здесь явно кто-то копает под ее мужа: либо завистники, либо конкуренты, либо какая-нибудь тайная воздыхательница, о существовании которой они оба не подозревают. Последнее не исключалось, поскольку ее супруг был мечтой любой женщины. В нем почти все было совершенным. Не подмеченные другими шероховатости были доступны только ее глазам, и ничьим более.

Полина отыскала взглядом их свадебную фотографию в красивой рамке на стене напротив входа. Кругом розы, розы, розы. Их счастливые улыбающиеся лица, два бокала с шампанским, звон которых она слышит до сих пор. «Шикарная пара»... так все о них говорили. И даже злобная мачеха, которую они с Иркой долго и преданно ненавидели, не удержалась от комплимента. Высокие, под стать друг другу. Черты лица утонченные. Темно-русые волосы и ярко-синие глаза делали их очень похожими, в чем тоже был увиден перст божий. Одним словом, союз был идеален. Кто же тогда смеет утверждать обратное?

Полина посмотрела на часы и невольно чертыхнулась. Надо же! Ровно полчаса, аж целых тридцать минут она промучилась, думая бог знает о чем! Нет, с этим делом надо завязывать, а то еще додумается до такого, что начнет к Женьке с вопросами приставать, а это уж точно до добра не доведет.

Она откинула почти невесомый край одеяла, свесила ноги и, нашарив мохнатые теплые тапочки, пошла бродить по дому.

Ох, как она любила это делать, кто бы знал! Нет, пожалуй, Ирка точно знала. Она тоже любила прогуливаться по своей квартире. Любила вещи, которыми окружила себя и которым знала цену. Любила утренние часы безмолвия, когда никого, кроме нее, в доме нет. Любила поворковать над цветами, которых у сестер было в изобилии. И еще любила поворошить прошлое. Да-да, то самое их общее прошлое, что предшествовало теперешнему блаженному теплу, уюту и довольствию.

Их с Ирккой прошлое не было полным лишений и нужды – отнюдь. В доме отца всегда водились деньги. Они всегда были накормлены и одеты. Но этот дом никогда не был им родным домом, он всегда был и оставался домом их отца, его второй жены и ее дочери. Все в нем было неприкасаемо и не принадлежало им, что подчеркивалось при каждом удобном случае. Наверное, именно поэтому всю свою сознательную жизнь сестры мечтали о собственном доме. О том самом месте, где будут полновластными хозяйками только они – и никто более. Могла ли Полина, после того, как ее мечтам суждено было сбыться, пустить все это под откос из-за какого-то дурацкого звонка? Нет, конечно же!

– Ух ты, моя хорошая! – восхищенно выдохнула она, остановившись перед огромным горшком с цветущей азалией. – Сейчас мамочка тебя польет водичкой, повернет к свету другим бочком, и тебе будет славненько...

Их дом был одноэтажным, но очень большим, раскинувшимся на большей территории выделенного им под строительство участка. Огромная гостиная, две спальни для гостей, их с Женькой спальня, кухня-столовая, бильярдная с примыкающей к ней сауной, в которой разместился даже крохотный бассейн. Три душевых и одна огромная ванная комната. И еще веранды, веранды, куда по весне вытаскивались цветочные горшки и где они часто принимали гостей, а то и просто засиживались с Женькой допоздна. Каждая комната была выполнена в своем стиле, что избавляло, по ее мнению, от однообразия. Дизайн каждой из них подолгу обсуждался, прежде чем быть примененным. Могла ли она после этого от всего вот так запросто отказаться? Начать подозревать своего ненаглядного Женечку во всех смертных грехах и день и ночь отравлять ему жизнь необоснованными претензиями? Ответ был однозначным – нет!

Обойдя весь дом, не забыв все кладовки и крохотные коридорчики, Полина пошла в кухню.

Все бело-голубое, включая жалюзи на окнах и напольную плитку. Свежо и приятно. Ее именно в этом и убеждали, уговаривая сделать кухню бело-голубой. Ненадоедливо, изысканно и в то же время не режет глаз затасканностью деревянного шпона.

Полина оседлала высокий табурет у стойки, с удовольствием провела ладонью по хромированной поверхности и потянулась к кофеварке, стоящей под сенью огромного папоротника. Кофе она молола всегда с вечера и тогда же засыпала в кофеварку, чтобы утром, как сейчас, только протянуть руку и щелкнуть кнопкой. Через минуту-другую по кухне поплыл неповторимый аромат. Полина слезла с табурета, взяла свою чашку из сушки, всыпала туда две ложечки сахара и ложку сухих сливок, потом налила туда поспевший кофе и пошла к обеденному столу. Он располагался по другую сторону от стойки, которая, в сущности, выполняла функцию разделительной полосы между кухней и столовой. Стол был огромным, овальной формы, всегда накрытый накрахмаленной скатертью. Цвет скатерти менялся в зависимости от времени года. Сейчас вот, например, он был прозрачно-голубым, точно таким же, как небо за окном. Нежный, почти неуловимый голубой цвет апрельского неба с легким бризом невесомых облаков.

– Славно как... – прошептала еле слышно Полина, попивая кофе маленькими глотками. – Что может быть лучше...

Лучшего желать было просто невозможно. Каждое утро, обойдя свой дом, она садилась к этому столу, пила кофе, смотрела в окно и неторопливо обдумывала планы на день. Именно неторопливо, потому что беззаботная жизнь, по мнению Полины, не терпела суеты. Как только позволишь себе поторопиться либо начать считать минуты, складывая их в часы, то тут же и упустишь главное. Тут же перестанешь ценить блаженное состояние покоя, которым она очень дорожила и которое всячески культивировала.

Кофе в чашке кончился. Теперь нужно было встать и приготовить себе легкий завтрак. Это могло быть все что угодно. Овсянка либо какой-нибудь салатик, а можно было все это заменить яичницей, запить соком. Потом еще одна чашка кофе с печеньем. И в душ. Потом...

А что потом? Ах да, на потом у нее запланирована встреча с парикмахером. Надо было слегка оттенить волосы, подстричь челку и подровнять посеченные кончики. Во второй половине дня бассейн и...

– Черт! – Полина поднялась, с раздражением громыхнула стулом, поймав себя на мысли, что не может думать о планах дня сегодняшнего с былым удовольствием и неспешностью.

Хотелось ей того или нет, но утро получилось каким-то скомканным, разорванным на временные промежутки до и после этого нелепого звонка. И оттого, наверное, в ее душе поселилось смутное беспокойство, которое она, сколько ни пыталась, не смогла вытравить.

«Иногда удар не попадает в цель, но намерение не может промахнуться...»

Кто это сказал? Она не помнила. Фраза отчетливо запечатлелась в мозгу, а имя автора прошло мимо. Но как же он был прав, черт возьми! Тысячу раз, миллион раз прав, сказав подобное.

Незнакомка уж точно не промахнулась. Ее намерение вошло-таки в мозг Полины и тут же начало въедливо прокрадываться в каждую ее беззаботную мысль, разбивая на молекулы и делая их совершенно ничемными и пустыми.

Полина ополоснула чашку, сунула ее на привычное место в сушку и пошла из кухни. Завтракать расхотелось. Нужно было срочно принять контрастный душ и позвонить Ирке. Одна голова хорошо – а две лучше. Она-то уж точно что-нибудь посоветует.

Полина вошла в душевую кабину и открыла краны. Пятнадцать минут она истязала себя, чередуя теплую и совершенно ледяную воду. Вымыла голову, хотя не собиралась этого делать, раз намечен визит к парикмахеру. Долго и самозабвенно красилась перед увеличительным зеркалом, находя сегодня свою внешность почти безукоризненной. Затем так же тщательно подбирала одежду на сегодня, остановившись на новом костюме из тончайшей кожи, имитирующей вытертую джинсовую ткань. Под курточку надела тонкий свитерок нежно-голубого цвета. Минут десять крутилась перед зеркалом, то распуская волосы по плечам, то собирая их вверх. Потом вдруг обессиленно опустилась в кресло и едва не расплакалась.

Кого она пытается обмануть? Перед кем затеяла эту бессловесную игру, примеряя наряды и ероша волосы, стараясь выглядеть более сексуальной и притягательной? Ясно же как божий день, что покоя ей теперь не будет. Она так и будет маяться день за днем, час за часом, изводя себя подозрениями и недоверием. С этим надо было срочно что-то делать. Просто необходимо задушить эту гнусность в себе на самом корню, пока она не пустила корни и не расцвела буйным цветом, отравив все вокруг нее.

Полина порывисто поднялась с кресла и метнулась к телефону. Ирка, должно быть, уже проснулась.

В отличие от нее сестра не бросила работу, выйдя замуж. Должность старшего менеджера-консультанта ее вполне устраивала. Не нужно было в обязательном порядке скакать утром на службу. Рабочее время она выбирала сама в зависимости от нужности и важности момента. В результате оно ограничивалось тремя-пятью часами в день. И начинался, как правило, ее рабочий день после полудня, так что самое время было позвонить.

– Алло, – буркнула сестра, сняв трубку почти сразу же.

– Привет, Ирин, спишь? – Полина виновато засопела в трубку.

– Ага, спишь! С тобой, пожалуй, выпспишься! Что ты звонишь ни свет ни заря? Я вчера около двенадцати с работы вернулась. Голова трещит от цифр. Это ты у нас существо беззаботное...

Удивительное дело, как успокаивающе действовал на Полину ее голос. Пусть в нем порой сквозило недовольство, пусть иногда прорывались и сарказм, и горечь – все это было не важно. Важным было то, что Полина могла его услышать в тот момент, когда захочет. И это ей, невзирая на Иркину занятость, всегда прощалось.

– Что звонишь-то? – послышался ее отчетливый зевок. – Ноготь сломала или кофейные зерна попались не того сорта?

– Нет. – Полина горестно опустила уголки рта. Знала ведь, что делать этого не следовало, потому что это провоцирует раннее появление носогубных морщин, а вот поди же ты, не сдержалась. – Мой маникюр в полном порядке. И кофе был просто отличный.

– Тогда что? – голос Иры сделался прерывистым. Наверное, встала с кровати и пошла с трубкой в руках обходить собственное жилье. – Слышишь, Полинка, у тебя азалия цветет?

– Еще как цветет!

– У меня тоже! Класс просто! И цикламен розовый весь в бутонах. Просто праздник для души.

– Ага, мне сегодня тоже такой праздничек устроили, – вклинилась Полина, хорошо зная особенность сестры говорить о цветах долго и безостановочно. – Представляешь, звонит в половине девятого какая-то дура, уточняет мое имя и фамилию, представляешь?!

– Не совсем. – Ирина явно заинтересовалась и присела куда-то, потому что голос ее сделался ровным, без характерных скачков. – И что ей было нужно, в такую-то рань?

– Ты знаешь, я и сама не поняла. Не представилась, во-первых. Начала городить какую-то чушь, что мой муж мерзавец, что он обманывает меня и все такое прочее... – Почему-то теперь, когда она начала говорить об этом вслух, все перестало казаться ей таким уж несущественным, приобретая почти зловещий оттенок. – Я даже толком и понять ничего не успела, когда она повесила трубку.

– А мужа этого самого она по имени не назвала? Может, она про какого-нибудь другого мужа говорила, а ты всех собак на себя готова повесить. – Иринка беззаботно хмыкнула. – Мало мужей на свете?

– У меня-то он один-единственный! Что ты городишь-то, не пойму! – возмутилась Полина легкомыслию сестры. – Она не назвала его по имени...

– Ну, вот видишь, – безапелляционно перебила ее Ирина.

– Что видишь-то?! Что видишь?! Если она назвала меня Кирилловой Полиной! И сказала, что мой муж мерзавец, и что он меня обманывает, и скоро что-то начнет происходить, и еще что-то лопотала, я уже не помню! А у меня – у Кирилловой Полины – только один муж. И выходит, что именно меня он и обманывает! – Она замолчала, тяжело дыша, и тут же уставилась в потолок, часто моргая, чтобы не заплакать и не испортить совершенный макияж, над которым трудилась достаточно долгое время.

– Хм-м. – Ирина задумалась и какое-то время тоже молчала, но, правда, недолго, съязвив не к месту: – И тебя теперь разбирает любопытство: ну как же именно он тебя обманывает? Как?!

– Не любопытство, а вполне оправданный интерес! Почему ты издеваешься, не пойму! – задохнулась от возмущения Полина. – Я звоню ей, чтобы посоветоваться, а она издевается надо мной! Сейчас трубку повешу!

– Я тебе повешу, по макушке настучу быстро, – пообещала сестра с легким смешком. – И я совсем не издеваюсь над тобой, дорогая. Я просто пытаюсь направить твои мысли в нужное русло, чтобы ты не прыгивала с катушек из-за какого-то идиотского звонка ошалевшей бабы. Чтобы ты, упаси тебя господь, не стала приставать к мужу с расспросами и чтобы ты не портила себе жизнь только потому, что стала предметом чьей-то зависти. Только и всего, милая моя.

– Ты думаешь... Ты и в самом деле думаешь, что это кого-то душит жаба? – Полина оторвала поплывший взгляд от потолка и посмотрела в окно. Там по-прежнему было солнечно и по-весеннему приятно.

– Конечно, господи ты боже мой! Именно! А ты что подумала, дурочка? И в самом деле подумала, что Женька твой тебя обманывает? Тебя?!

– Нет, но...

– Вот именно, что но! Это твое «но» дорогого может стоить, Полина, поэтому заклинаю тебя: не забивай голову ерундой! – Иринка беззаботно хохотнула и тут же без переходов сказала: – Признавайся, разглядывала себя на предмет сравнительного анализа с возможной соперницей? А? Разглядывала?

– Ну... допустим, и что с того? – Проницательности сестры оставалось лишь позавидовать.

– Рассмотрела? Убедилась? – Иринка уже вовсю веселилась.

– В чем?

– В том, что тебе равных нет, дурочка! Такое совершенство родится не каждое столетие!

– Придумаешь тоже. – Полина заулыбалась, тут же поймала свое отражение в зеркале огромного шкафа и не без удовольствия отметила, что в чем-то сестра все-таки права.

– Я ничего не придумываю, Полин. Ты у нас совершенна. Мало того, тебе природой отмечено и ума в достатке в довес к твоей внешности. Мне иной раз даже страшно становится, насколько ты безукоризненна. Таким женщинам, как ты, не изменяют. – Ирина снова протяжно, с хрустом, зевнула и недовольно буркнула: – Стоило будить меня из-за такой ерунды.

– Ладно, не обижайся. Только... – Полина замялась, не зная, как снова вернуть Ирину к нужной теме.

– Что опять?!

– Только она ведь не говорила об измене, эта женщина. Она говорила об обмане, понимаешь!

– Нет, если честно. – Все, теперь в Ирином голосе проступила брюзгливость, что могло означать лишь одно: Полина ее таки достала. – Что ты хочешь вообще услышать от меня?! Если он тебе не изменяет, в чем я убедила тебя на все сто, то о каком еще обмане у тебя может болеть голова? Деньги он от тебя на презервативы ныкает? Или в клуб гомосексуалистов записался?

– Тьфу, тьфу, тьфу! Скажешь тоже! – Представить своего сугубо гетеросексуального Женечку в обществе липких гомосексов Полина не могла.

– Тогда отвали и дай отдохнуть как следует. У меня сегодня не менее напряженный день. Отчеты, отчеты, сплошные отчеты.

– Ладно, Ирин. – Полина поспешила извиниться и тут же, спохватившись, поинтересовалась: – Как Антон?

– Вспомнила! – фыркнула пренебрежительно Ирина. – Что ему сделается? Вчера из банкетного зала еле теплого доставили, отмечали день рождения чей-то. Сегодня тоже просил не ждать. Гад!

Ирина еще немного позлословила на предмет своего равнодушного отношения к супругу, потом пожелала сестре удачи и повесила трубку.

Полина представила, как сестра сейчас, отчаянно зевая, с жутким стоном снова валится на кровать, зарывается лицом в подушку и уже через минуты три начинает сонно посапывать. Все, на этом свою миссию она посчитала законченной, то есть развела руками все беды Полины и теперь может спать спокойно. Ира же не могла знать, к примеру, что разговор с ней еще больше растревожил Полину и что все ее заверения на предмет того, что, кроме супружеской измены, никаких страхов для нее существовать не может, были абсолютно необоснованными.

Не мог же вот так запросто прозвучать этот звонок! Не мог, это однозначно! Какая-то цель все же имелась! Какая?!

Осторожно подергали дверную ручку, и тут же повернулся ключ в замке. Пришла Нина Ивановна. Что-то рано сегодня.

Полина поспешила в прихожую. Огромный, задекорированный зеркалами и пластиком холл цвета слоновой кости. Все шкафы встроены так, что об их существовании можно только догадываться. Видимыми глазу остались только стены и две большие кадки с пальмами. Было еще несколько почти невесомых полок с какими-то хрупкими безделушками. Полина их нико-

гда в руки не брала, из опасения уронить и разбить. Любовалась все больше со стороны. Потолок – полусферой, мозаичный. Господи, сколько же денег они вбухали в отделку этого дома! А вдруг все это будет, но уже без нее?! Вдруг кого-то другого будет радовать все это великолепие, которое она создавала и которое выстрадала, мечтая о таком с детства?..

Нет! Черта с два! Просто так, за здорово живешь, она никому и ничего не отдаст!

Видимо, эти мысли слишком уж отчетливо отразились на ее лице, потому что Нина Ивановна, внимательно на нее посмотрев, осторожно поинтересовалась:

– Полиночка, с вами все в порядке?

– Да, все нормально вроде бы. А почему вы спросили? – Полина с подозрением, которое было противно ей самой, уставилась на домработницу.

Нина Ивановна в этот момент как раз снимала с себя легкий плащ и аккуратно устраивала его на плечиках, чтобы потом спрятать его в одной из зазеркаленных ниш.

Среднего роста, крепенькая, энергичная, невзирая на то, что ей уже за шестьдесят. Одежду всегда предпочитала спортивную. Легкие брюки и какая-нибудь кофточка, а то и в спортивный костюм вырядится. Всегда приветлива. Полина ни разу за минувшие годы не видела ее удрученной. Что она могла знать о своей домработнице? В сущности, ничего. Нанимал ее на работу Женька. Просто привез однажды в их дом, познакомил и сказал, что она будет помогать ей по хозяйству. Фактически Нина Ивановна полностью взвалила на себя это самое хозяйство. Все содержалось в идеальном порядке. Никогда и ни по какому поводу у Полины не было к ней претензий.

Стала бы она гадить ей таким вот способом: звонить и наговаривать на мужа? Нет, вряд ли. Ей просто-напросто незачем этого делать.

– Вы что-то очень бледненькая сегодня, Полиночка. – В голосе Нины Ивановны отчетливо проступило простое человеческое участие, и Полина тут же застыдилась. – Вы кушали что-нибудь или опять один кофе употребляли?

– Кофе, да... А есть что-то не хочется. – Полине сделалось неловко под ее пристальным изучающим взглядом. – Аппетита нет сегодня.

– Простите, а вы случайно не беременны? – От уголков ее глаз тут же разбежалась тонкая сетка морщинок, так она всегда улыбалась. – А что вы так смущаетесь? Дело молодое. Вы оба здоровые, красивые, обеспеченные. Вам ли детей не иметь?! Вам их нужно кучу целую, ребятишек-то!

– Нет, я не беременна. Мы пока не думали об этом с Женечкой. Рано...

– Рано?! – Нина Ивановна тут же округлила глаза в изумлении. – Когда же будет в самый раз-то? Когда на пенсию соберетесь? Эх, молодежь! Надо же... Вы, Полиночка, извините меня, что я разговорилась сегодня без меры, но ребеночек вам совсем даже не мешает. А коли боитесь трудностей, так я вам и с малышом помогу. Мне не привыкать. Я же всю жизнь в родильном доме детской медсестрой проработала. Так такого насмотрелась там, ужас просто! И больные, и нищие, и убогие – все рожают, не боятся. А вы такая пара шикарная, представьте себе только, какие детишки у вас родятся красивые и талантливые.

Представлять Полине не хотелось – пока что они с Женей нужды в детях не испытывали. И не то чтобы они совсем не планировали их иметь, нет. Просто о возможных сроках они даже не разговаривали, отодвигая все это на потом. Слишком много было нужно успеть... Столько всего им обоим предстояло сделать, прежде чем увеличивать семейство. А тут еще и новая проблема, о которой никто и думать не думал и гадать не гадал.

– Вы уходите, милая? – Нина Ивановна уже успела обрядиться в передник и вооружиться пылесосом.

– Да, у меня на одиннадцать назначен парикмахер. Пообедаю в городе. Потом примерка у портнихи, так что дома не знаю когда буду, – все это Полина наговаривала, обуваясь в короткие

сапожки на тонкой шпильке, поправляя волосы перед зеркалами и вдевая руку в узкую дужку дамской сумки. – Если Женя вдруг позвонит, скажите, что...

Она поймала в зеркальном отражении вопросительный взгляд Нины Ивановны, направленный ей в спину, и, передумав, закончила не так, как хотела:

– Скажите, что на ужин мы приглашены к Свиридовым. Он об этом знает, но напомнить лишний раз не помешает.

– Хорошо, Полиночка. Я передам непременно.

Полина вышла из дома и только тогда смогла перевести дыхание. Почему она не сказала того, что хотела? Почему? Ведь собиралась передать через Нину Ивановну, что заедет к Женьке на службу и заберет его с собой и они где-нибудь пообедают вместе, как бывало не раз. Почему же не сказала? Уж не потому ли, что хотела нагряться к нему как бы невзначай? Застать его врасплох, так сказать, поймать его на чем-то. Боже, как низко! Так гадко на душе, что впору падать перед ним на колени и каяться во всем, что произошло. И хотя и произойти-то толком еще ничего не успело, Полина чувствовала, что такой, как раньше, она уже не будет. Что ее теперь так и будет глотать червь сомнений. И что она не успокоится, пока не удостоверится в обратном. Видимо, та женщина совсем неплохо ее знала, позвонив и наговорив такое, или была неплохим психологом, сделав ставку на ее вполне нормальное желание разобраться в возникшей неясности.

Гаражные ворота плавно поехали вверх. И уже через пять минут Полина выехала на своем «Пежо» на трассу. До города было езды сорок минут на рейсовом автобусе. Ей же всегда хватало десяти. Водила она хорошо, без нужды не рисковала. К тому же большая часть пути преодолевалась почти беспрепятственно, ветка трассы была не столь оживленной.

Полина проехала блокпост, знакомые ребята ей козырнули. Она улыбнулась и снова сосредоточилась на дороге. Легкий ветерок к этому времени чуть окреп, напрочь разметав остатки облаков. Яркая голубизна апрельского неба, слепящее солнце – ехать было почти невозможно. Полина нашла в «бардачке» темные очки и надела их. Ситуация сразу изменилась: теперь можно было и расслабиться, и получить удовольствие от дороги. Но с последним тут же возникли проблемы.

Какое, к черту, удовольствие, если в голове методично тюкает и тюкает: «ваш муж вас обманывает», «ваш муж мерзавец». Ах да, вспомнилось! Еще та баба сказала про Полину, что она безмозглая красивая кукла. Так, а ведь это же, если разобраться, уже кое-что. Почему ей это сразу не бросилось в глаза? Итак, звонившая дама знала все-таки Полину в лицо. Интересное кино! Значит... А что это значит? Что-то одно из трех: либо они знакомы, либо где-то когда-то их пути пересекались, либо незнакомка следит и за ней тоже. Почему тоже? Да потому, что ее осведомленность подразумевает под собой слежку за Женькой.

На первом светофоре Полине нужно было повернуть направо, проехав пару кварталов, оставить машину на платной стоянке и перейти на другую сторону дороги, туда, где располагался салон красоты. Но сегодня она все сделала по-другому. Она никуда не стала поворачивать, а поехала прямо в центр. Там располагался офис ее мужа, любимого и родного Женьки, о котором она все-все знала. Во всяком случае, именно так она думала до сегодняшнего утра.

Его офис размещался в старом двухэтажном особняке, принадлежащем до революции какому-то графу. За годы перестройки здание заметно обветшало и, возможно, пошло бы под снос, если бы не Женька и его компаньоны, уговорившие городские власти продать им этот участок земли вместе с постройками. Графские развалины очень быстро отреставрировали, разбили премиленький садик вокруг. Огородили территорию красивой изгородью. По весне все зазеленело, зацвело, забили фонтанчики. Народ это оценил, и появилось даже несколько хвалебных статей в газетах в адрес местных олигархов, заботящихся о лице города. Полине думалось, что лицо города их мало интересовало – больше всего их заботило лицо фирмы, дела которой с пуском в эксплуатацию новой конторы не просто пошли, а поскакали в гору. Един-

ственным минусом, по мнению Полины, было то, что ребятами не было предусмотрено место для парковки машин. Ей вот всякий раз приходилось бросать свою малышку аж за квартал до их офиса и идти остаток пути пешком.

Сегодня ей это, как ни странно, оказалось на руку.

Она оставила машину на привычном месте. Крякнула сигнализацией и медленно двинулась по чистенькому тротуарчику противоположной стороной улицы. Прямо напротив Женькиной конторы через дорогу располагалось уютное заведение, именуемое «Санди». Огромные тонированные стекла делали возможным наблюдение изнутри без опасения быть замеченным снаружи. К тому же в это время там было достаточнолюдно и сама собой исчезала вероятность того, что она намозолит кому-то глаза.

Полина села за столик у самого окна спиной к залу и тут же заказала какое-то мясное блюдо с замысловатым названием, приготовления которого нужно было ждать почти двадцать минут.

– Пока будете ждать, что-нибудь выпьете? – Молодой симпатичный паренек жадно оглядывал ее всю – от тонких каблучков до кончиков ее посеченных волос, которые она собиралась сегодня привести в порядок, а вместо этого...

– Минеральной, если можно. – Полина едва тронула улыбкой губы, заведомо зная, что при этом выглядит до такой степени загадочной, что некоторые из ее знакомых мужчин от такой ее улыбки испытывали приступы дурноты.

Мальчику, видимо, тоже сделалось нехорошо, потому что он странно дернулся, едва не выронив карандаш с блокнотиком, потом покраснел до кончиков ушей и тут же поспешил удалиться. После его ухода Полина оглянулась и внимательно оглядела зал.

Как она и предполагала, народу было предостаточно. В основном это были молодые парни и девушки. Парочки сидели друг напротив друга, зачастую переплетя пальцы рук и не замечая никого вокруг себя. Это ей также было на руку, но неожиданно сделалось грустно. Что она здесь делает одна? Сидит и наблюдает за чужим счастьем? А ее-то счастье где же? А ее – там вон, за той кованой оградой. Ей стоит лишь перейти дорогу, улыбнуться охраннику, поздороваться с секретаршей Лилечкой, переступить порог кабинета, и она тут же ощутит прилив этого самого счастья, услышит его сердцебиение, увидит его улыбку...

«Вам стоит только присмотреться внимательнее, и тогда вы все поймете!»

Что именно можно было понять, елозя локтями по зеркальному пластику стола и ковыряясь вилок в пряной баранине? Нет, Полина, конечно же, не сводила глаз с ворот, которые то впускали, то выпускали посетителей. Она очень внимательно наблюдала и добросовестно старалась отыскать хоть какую-нибудь странность, могущую пролить свет на то, что вот-вот должно было произойти. Но хоть убей, у нее ничего не получалось! Все было как всегда: те же самые ворота, тот же охранник, самые обычные люди. Сейчас вот, например, в половине двенадцатого Лилечка должна была пойти в соседнюю кондитерскую, чтобы купить горячих пончиков и свежих пирожных для общего чаепития – была такая традиция в их фирме.

А вот и Лилечка: вся беленькая, тоненькая, маленькая. Ревновать именно к ней у Полины никогда, например, не хватало ума и воображения. Она была на полторы головы ниже ее Женьки и на голову ниже ее самой. Когда Полина входила к ним в офис, все мужики разом бросали работу и восхищенно цокали языками ей вслед. Женька потом не раз сетовал на то, что она ему рабочий день и производительность труда срывает. Но он шутил, конечно же, в чем потом и признавался. На самом деле ему очень льстило, что его жена столь красива.

Лилечка между тем, отчаянно семеня крохотными ножками, перебежала улицу в неположенном месте, скрылась из поля зрения Полины и уже менее чем через пять минут побежала обратно, держа в руках огромный бумажный пакет.

Все как обычно. Сейчас ребята с шумом соберутся в комнате приема пищи, так она у них именовалась. С удовольствием отведают чая либо кофе с принесенной Лилечкой провизией.

Потом опять прильнут к своим пульманам и компьютерам, не забывая при этом задирать друг друга, с опаской косясь на дверь генерального...

Нет, все происходящее сейчас можно было точно отнести к зарождающемуся неврозу. Может, ей тоже на работу пойти? Сколько раз Женька предлагал ей место своего кадровика. Однажды даже просто умолял, мотивируя тем, насколько тяжело довериться постороннему человеку. Она отказалась тогда. А сейчас? Кто знает... Или... или ей и правда стоит подумать о ребенке? Родить ему такого же синеглазого мальчугана и назвать его... как же назвать-то...

– Свободно?

Господи! Полина даже вилку выронила, настолько неожиданным и грубо прозвучавшим показался ей вопрос мужчины, вторгшегося в ее размышления.

Она не сразу подняла взгляд на мужчину, который подошел слишком незаметно и встал слева от нее. Положив вилку на край тарелки, она грациозно шевельнула длинными пальчиками, глубоко вздохнула и лишь после этого с холодком поинтересовалась:

– Что, простите?

– У вас свободно, я вижу. – Он не стал дожидаться ответа и тут же уселся напротив. – Извините за вторжение, но все столики, кроме вашего, уже заняты. Официант меня к вам упорно не хотел подсаживать, мотивируя тем, что вы кого-то ждете. Я пронаблюдал за вами минут десять, дожидаясь своей очереди. Так никто и не появился. К тому же с аппетитом у вас, я вижу, проблемы и вы можете в любой момент уйти.

– Вам бы этого очень хотелось? – Полина с интересом уставилась на молодого мужчину и, заметив его непонимание, пояснила: – Вам бы хотелось, чтобы я ушла?

Он изумился настолько сильно, что в первые минуты лишь ошалело смотрел на нее, замерев и дав ей возможность рассмотреть себя как следует.

Ему за тридцать, это бесспорно, хотя вовсю старается выглядеть моложе, нарядившись в сильно обтянувшие его джинсы и кожаную куртку «косуху». Гладко выбритые высокие скулы. Нос, пожалуй, мог бы быть и поменьше. Переносица перебита, крылья ноздрей толстоваты и чуть приплюснуты. Все ясно: кулак боксера либо кастет противника. Рот... Непонятный какой-то рот. Губы такие темные, аж с сизоватым отливом. Такие губы Полина видела разве что у темнокожих. Можно было бы и его отнести к этой расе, если бы не его цвет лица. Цвет лица был типично европейским. И глаза тоже серые, без всякого намека на шоколадный оттенок. Шея крепкая, как у борца. Ах, ну да, конечно, раз перебит нос, значит, и шея должна соответствовать. Волосы темные, подстрижены «под площадку». Явно мужчинка молодится. Молоденьким курочкам мозги пудрит. Наверняка и мотоцикл какой-нибудь крутейший оставлен у входа, раз куртка такая. На бычьей шее крученая цепочка с брякающими медальонами. Кажется, штуки три, никак не меньше. Рукава подпернуты, ручки крепкие. Пальцы длинные, сильные. На левом мизинце – золотая печатка с россыпью сверкающих камушков – еще одна фишка для малолеток.

Полина догадливо хмыкнула его молчанию и более чем красноречиво посмотрела ему прямо в глаза.

«Ну-ну, плейбой, давай, начинай окучивать. Видели мы таких удалцов и все про вас знаем».

Оказалось все с точностью до наоборот. Оказалось, что знал-то все про нее именно он. О чем после долгого молчания ей и поведал.

– Муж изменяет? – поинтересовался он голосом, лишенным всяческих эмоций.

– Что?! – Полина хотела вскочить с места и убежать прочь от этого нахала, но потом передумала. А вдруг в этом что-то есть? Вдруг он не просто так подсел к ней и завел разговор? – Что вы сказали?!

– Вам муж изменяет? – Мужчина сделал заказ, перечислив тьму всяких блюд, с аппетитом, видимо, проблем у него не было, равно как и с проницательностью.

– С чего вы взяли? И откуда знаете, что у меня есть муж? – Она высоко подняла безукоризненно выщипанные брови.

– Так кольцо же обручальное на пальце, это элементарно! – Он взгромоздил огромные ручки на поверхность стола, чуть перегнулся и, приблизив лицо к ней, доверительно шепнул: – У такой женщины, как вы, не может не быть мужа. Ваша внешность сама по себе подразумевает тот факт, что вы уже заняты. К тому же ваш прикид тянет, по скромным подсчетам...

– Допустим, – перебила его Полина, гадая про себя: может он быть причастным к утреннему инциденту или нет. – И что с того? Что такого в моем прикиде, что могло бы указывать на то, что мой муж мне изменяет? Согласитесь, это глупо.

– Я бы так не сказал, – ответил он и тут же, поочередно загибая длинные сильные пальцы, начал перечислять: – Такая одежда дорого стоит – раз. Значит, муж у вас человек более чем обеспеченный. Папочка исключается, раз есть кольцо на пальце. В настоящее время крутые папочки не жалуют альфонсов и, невзирая на собственный авторитет, стараются подыскать дочери партию повыгоднее. Ваши трудовые подвиги тоже не рассматриваются всерьез, так как вы празднично сидите в разгар рабочего дня в кафе. Итак, значит, супруг все же – воротила. Второе – ваш удрученный вид. О чем может грустить такая красивая дама? Ведь у нее все есть для счастья: красота, деньги, положение в обществе. Что может заставить ее хмуриться?

– Ну, это может быть все, что угодно: я могла сломать ноготь поутру либо кофейные зерна попались некачественные, – язвительно процитировала Ирку Полина. – У таких красивых глупых кукол причин для удрученного вида может быть уйма.

– Да что вы? – Сизые губы скривились в ухмылке. – Что-то верится с трудом.

– Отчего же! Все как раз так и есть!..

Им пришлось ненадолго прервать беседу, так как подошел официант и, неприязненно косясь на собеседника Полины, принялся уставлять тарелками стол. Но как только он повернулся к ним спиной, мужчина снова продолжил:

– Вы не производите впечатление глупой куклы. Простите, я прослушал... Как вы сказали, вас зовут? – Он даже лоб наморщил, якобы пытаясь вспомнить.

Полине сделалось смешно. Это был такой избитый прием! Такой заезженный способ завязать знакомство, что подозревать этого крутого переростка в причастности к утреннему телефонному звонку было по меньшей мере неумно.

– Я не говорила вам, как меня зовут, – прервала она его мучительный мыслительный процесс, снова грациозно шевельнула пальчиками, словно пытаясь стряхнуть с них несуществующую пыль, и поднялась. – Счастливого оставаться. И приятного вам аппетита.

Полина взяла с соседнего стула свою сумочку, надела ее на плечо. Аккуратно приставив к столу свой стул и напоследок кивнув обескураженному плейбою, пошла к выходу.

Все было нелепо до абсурда. Зачем она притащилась в это кафе и проторчала в нем почти час? Что пыталась рассмотреть, тараща глаза сквозь стекло? Ни один здравомыслящий человек, а тем более ее Женька, не станет на глазах у изумленной публики таскаться со своей любовницей под окнами собственной конторы и целоваться с ней у фонтана. Просидела, потеряла время, стала предметом внимания стареющего ловеласа. Последнее было особенно неприятным.

Полине всегда казалось смешным, когда мужчины, подобные недавнему ее собеседнику, пытались познакомиться с ней таким вот примитивным способом. Разве так знакомятся? О чем он думал, в конце концов?! Что она разрыдается и кинется искать утешения на его широченном плече, затянутом в продубленную кожу? Неужели в природе существуют такие легкомысленные женщины? Понять такую легковёрность Полине всегда было сложно. Она была не то чтобы кладезем здоровых эмоций, но у нее с Женькой все было совсем не так. У них все было романтично и красиво.

Он почти два месяца встречал ее у дверей института, не делая никаких попыток подойти. Просто стоял в сторонке, смотрел на нее в упор и ласково улыбался. Неизвестно, сколько бы он так простоял и проулыбался, не возьми она инициативу в свои руки. Полина подошла к нему, совершенно обессилив от неизвестности и от того, что уже которую ночь подряд мучилась от бессонницы, думая о синеглазом парне.

– И что? – спросила она тогда, останавливаясь в паре метров от него.

– Ничего! – Женька улыбнулся тогда еще шире и вдруг без переходов сказал ей: – Люблю!

– Кого? – не могла не поинтересоваться Полина, сделать это она была просто обязана, чтобы не попасть в дурацкое положение.

– Вас, Полиночка! – Он виновато развел руками, мол, что хотите делайте, но изменить вы ничего уже не в силах.

– И давно? – Она, затаив дыхание, ждала его ответа.

У него сделалось очень серьезное лицо, он даже поднял глаза к потолку, словно подсчитывал в уме, сколько же прошло с тех пор времени. Но потом, видимо, передумал вести подсчет и опять незастойливо ответил:

– Все время! Как увидел год назад на слете туристическом, так и влюбился.

– Да? – Полина лихорадочно соображала. Слет и в самом деле был, и она там заняла второе место по ночному ориентированию. Но вот парня, похожего на этого, что-то не припоминает. – А почему же так долго не решались мне об этом сказать?

– Боялся. Вы такая удивительная! Вокруг вас столько молодых людей. А я – самый обыкновенный. Короче, думал, что у меня просто нет шансов. – Все причины, перечисленные им, и в самом деле выглядели объективными или ей так просто показалось тогда – кто знает?

– А что же заставило вас изменить свои намерения? – Полина жадно вглядывалась в его лицо, понимая, что шансы у этого парня есть, и еще какие, и с каждой минутой рейтинг его все растет и растет.

– Невозможность существовать без вас. – Женька виновато улыбнулся. – Невозможность спать, есть, думать... Это стало серьезной проблемой для меня, вот я и...

– Простаиваете здесь второй месяц? – закончила за него Полина.

– Нет, не второй. Я уже давно рядом с вами. Просто не показывался. – Он, помнится, тогда провел растопыренной пятерней по густым волнистым волосам, открывая потрясаяще высокий лоб, смешно надул щеки, на мгновение затаил дыхание, потом с шумом выдохнул, да как брякнул: – Одним словом, Полиночка, вы просто обязаны выйти за меня замуж. Иначе...

– Иначе что? – вибрирующим от волнения голосом вклинила она тогда свой вопрос, чтобы не заорать тут же, что она пойдет за ним на край света прямо с этого самого места.

– Иначе – просто беда. Иначе я пропаду. – Он совсем по-щенячьему заглянул ей в глаза и прошептал: – Я так вас люблю, Полиночка, что мне даже страшно иногда становится! Так что, вы пойдете за меня? Только прошу вас, не нужно говорить, что вы ничего обо мне не знаете! Все сведения обо мне можно узнать в нашем деканате. Я не был, не имел и не привлекался. Я простой российский малый, которому выпало несчастье влюбиться без памяти в самую недоступную красавицу на факультете.

– Вас как зовут-то? – Она засмеялась, ей импонировала его горячность, и даже несколько раз она поймала себя на мысли, что еще немного – и она вцепится в его волосы руками и прильнет к его губам своими. Но слова о неприступности ее немного отрезвили. – Сведения сведениями, но имя лучше узнать из первоисточника.

– Простите, ради бога! – Он приложил руку к тому месту, где неистово колотилось его сердце. – Я – Женька! Кириллов Евгений, вы не могли не слышать обо мне.

Конечно! Ну надо же! Кто бы мог подумать! Кириллов Евгений – гордость института, спортсмен, красавец. Что еще она о нем слышала, ни разу не встретив на своем пути? Что он очень разборчив с девушками и никогда не дает пустых обещаний. Что-то еще о том, что

у парня нелегко складывались отношения с некоторыми преподавателями-женщинами, желающими заполучить такого парня не только к себе на кафедру. Вот ведь как бывает... Девчонки-сокурсницы, мечтавшие о нем, Полине все уши прожужжали. Она ни разу не была заинтригована рассказами о его загадочной личности, а выбрал он именно ее...

– А вдруг я вздорная и пустая! – воскликнула тогда Полина, тиская перед грудью сумку с книгами. – Вокруг столько девушек, просто мечтающих...

– Вы согласны стать моей женой, Полина?! – Тут ее Женька, нет, тогда еще не ее, полез во внутренний карман легкой куртки, вытащил оттуда бархатную коробочку, открыл ее, извлекая узенькое обручальное колечко подрагивающими пальцами. – Это кольцо!

– Я вижу, – совершенно ровным голосом произнесла Полина.

– Я купил его для вас, Полина! Если вы возьмете его, значит, у меня есть шанс, если нет, то вы меня никогда больше не увидите.

Такая вот категоричность: или она дает согласие – или он уходит раз и навсегда. Могла ли она выбирать тогда? Намерения его были более чем серьезными, это было очевидно. Предложение выйти замуж, кольцо опять же, это вам не пустое тисканье в сквере на скамейке и ни к чему не обязывающий секс на пружинной студенческой койке в общежитии. Это было уже по-взрослому. И ей это нравилось. Не понравилось ей другое – то, что она может никогда его больше не увидеть.

– Я... Я не знаю, что ответить, – растерянно произнесла Полина, протянула руку и едва тронула тонкий золотой ободок кончиками пальцев. – Мне страшно сказать «да» и...

– И что?! – Он тяжело и часто дышал, подойдя к ней совсем близко. – Только не лгите, прошу вас. Только скажите мне правду, мне это очень важно, поверьте!

– И страшно вас больше никогда не увидеть, – Полина подняла на него глаза и поняла в ту же секунду, что никогда уже не сможет уйти от него.

– Возьмите кольцо, Полина! – почти повелительно попросил ее Женька и так по-родному, так тепло улыбнулся, что она не смогла не повиноваться.

С тех самых пор они больше никогда не разлучались. Через пару месяцев они вместе окончили институт, а еще через четыре поженились. Женька с друзьями почти на голом месте организовали бизнес, работали как проклятые по двадцать часов в сутки. Отдача была стопроцентной, бизнесмены достаточно быстро завоевывали авторитет в деловых кругах.

Фирма занималась проектированием, строительством и посредническими операциями. Ребят Женька подобрал самых проверенных, самых надежных. Все свободное время они проводили с семьями, включая поездки за город, посещение саун, охоту и рыбалку. Заподозрить мужа в том, что он втайне от нее встречается еще с кем-то, значило не знать о его напряженном рабочем графике и о том, что его редкие выходные под завязку были наполнены ею.

И нечего всяким пижонам делать нелепые предположения, навязывая ей свое общество!

Полина почти бегом выскочила из дверей кафе и не без внутреннего злорадства обнаружила в метре от входа серебристую «Хонду». Итак, она оказалась права, разгадав намерения стареющего «прорицателя». Он и в самом деле клеил ее самым примитивным образом, а тему мужа затронул наугад и, как ни странно, почти попал.

Она выровняла шаг и пошла своей обычной походкой от бедра к стоянке автомашин. Потом вдруг непонятно отчего Полина обернулась. Давешний собеседник стоял около своего мотоцикла и, широко расставив длинные крепкие ноги, смотрел ей вслед. Когда же он успел смести все с тарелок? Заказ был более чем внушительным. Не удержался и выбежал удостовериться в ее одиночестве? Ну уж нет!

Полина, следуя примеру Лилечки, повертела головой по сторонам и ринулась на другую сторону дороги в том же самом не установленном правилами месте. Пусть не думает себе ничего такого! У нее есть муж, и он любит ее, и он верен ей! И нечего смотреть ей вслед и догадливо ухмыляться. В том, что тот тип ухмыляется, Полина не сомневалась. Но огляды-

ваться больше не стала. Дошла до ворот, улыбнулась узнавшему ее охраннику и, на ходу доставая из сумки телефон, быстро набрала номер мужа.

Ей пришлось четырежды проделать это. Все три Женькиных мобильника были заблокированы, личный стационарный телефон тоже. Пришлось все же соединиться через Лилечку.

– Да, Полина, – отозвался муж почти сразу. – Что-то срочное, почему ты звонишь?

– Просто... – невнятно ответила она, подходя уже к подъездной двери.

– Что просто?! Не понял! Тебя не очень хорошо слышно! Ты где?!

– Я звоню просто потому, что я соскучилась. – Полина открыла дверь и вошла в гулкое прохладное фойе.

– Ох ты господи! – Он с облегчением рассмеялся. – А я-то уже перепугаться успел. Как дела?

– Все нормально. – Полина уже преодолела второй пролет лестницы. Сейчас еще четыре метра по коридору, через пространство приемной, и она его увидит – своего любимого, самого родного на свете Женьку. – Может, пообедаем где-нибудь вместе?

– С удовольствием бы, малыш, но извини, не могу. Завал полнейший. А ты где вообще?

– А я... – Полина, пользуясь отсутствием Лилечки, беспрепятственно миновала приемную, открыла дверь кабинета и выросла на его пороге, закончив фразу с небольшой запинкой: – А я здесь, дорогой...

Она даже поначалу не поняла, что поразило ее больше всего: то, что Лилечка почти лежала на его плече, или то, как мгновенно она отпрянула и покраснела. Женька тоже как-то не так себя повел. Принялся судорожно переключать на столе какие-то бумаги, сдвигать авторучки, щелкать без дела мышью от компьютера. Одним словом, замешательство было полнейшим.

«Ты – умная женщина, Полина! – подстегнула она себя, входя в кабинет с самой милой из всех имеющихся у нее в арсенале улыбок. – Не стоит заострять внимание на этом. И приличные люди вообще-то стучатся, прежде чем входят, а ты этого не сделала».

– Я не помешала? – поганный вопросец все же соскочил у нее с языка.

– Что ты, дорогая! – Женька мгновенно откатился в кресле почти к самой стене, вскочил с места и поспешил ей навстречу. – Я думал, что ты еще дома и твое предложение насчет обеда...

– Ладно, пустяки. – Полина подставила ему щеку для поцелуя, походя отмечая, что дома-то она уж никак не может быть, визит к парикмахеру ими вчера обсуждался... – Я могу пообедать и в одиночестве.

– Нет, нет, что ты! – Женька всплеснул руками незнакомым ей доселе жестом – и что это, в самом деле, сегодня с ним такое, или все же это с ней самой что-то не то? – Сейчас уже идем. Лиль, ты давай сворачивай эту ерунду. Пока Захаров в командировке, решать за него ничего не будем. Он разработчик проекта – ему и карты в руки. Отправишь три факса, о которых мы говорили. Созвонишься с Потайчуком и дашь ему чертей за то, что второй день не появляется на работе. Так, так... Что-то еще...

– Оплата счета, – подсказала Лилечка, она уже вполне справилась с собой, и о пережитом смущении можно было лишь догадаться по неровным красным пятнам на ее щеках. – Деньги будем переводить сегодня или...

– Сегодня, – твердо сказал Женька, вернулся к своему столу, быстро подписал какую-то бумагу, одну из той пачки, что он теребил в тот момент, когда Полина внезапно возникла в поле их зрения. – Так... вот ведь! Было же что-то еще... Ладно, вернусь, тогда решим. Придется сегодня задержаться, видимо...

– Милый, мы приглашены к друзьям, – напомнила Полина, прошла к мягкому креслу у задрапированного окна, села в него, живописно закинув ногу на ногу, и выжидательно уставилась на Лилечку: пора, мол, тебе, подруга, давно пора выметаться из кабинета и дать возможность пообщаться супругам. – Там что-то вроде годовщины их свадьбы.

– Что? Как же я!.. – Он сделался совершенно растерянным. – Но я не могу, Полин. У меня на вечер назначена встреча. Очень важная причем.

– С кем? – Она спросила просто так, не из какого-либо шкурного интереса, а на самом деле просто так, и тут же пожалела об этом, так ей не понравился искрометный взгляд, которым обменялись босс и секретарша. – Я почему спрашиваю – ты ничего не говорил, и я уже пообещала Ольге и...

– У Евгения Александровича назначена встреча с вице-президентом, – деловитая Лилечка назвала крупный промышленный концерн, ожидая при этом, что Полина от значимости момента, наверное, хлопнется в обморок. – Отложить встречу никак не удастся. Евгений Александрович, вы, я думаю, понимаете, что...

– Да, да, Лиль, ты иди пока. Мы сейчас продолжим. – Он выразительно посмотрел на часы, тяжело вздохнул и перевел вопросительный взгляд на жену.

– Я все поняла, милый. – Полина поднялась из кресла с легкой улыбкой и тяжелым сердцем. – Увидимся дома. Правда, не знаю, когда я туда попаду.

Он даже не спросил, где она будет, подразумевая, что у Свиридовых. Скажите, какое слепое доверие! Кивнул, соглашаясь, и потом запоздало поинтересовался:

– За тобой заехать?

– Не нужно, что ты! – Полина подошла к мужу и после того, как за Лилечкой закрылась дверь, поцеловала его в губы, пробормотав с неподдельной нежностью: – Все хорошо, родной. Все и правда хорошо, не стоит так драматизировать.

– Ты у меня славный человечек, Полинка. – Женька облегченно рассмеялся. – Все понимаешь... Как там погода?

– Погода? – Полина перевела взгляд на окно, пробиться сквозь ткань модной портьеры солнечному свету было затруднительно. – У тебя тут как в карцере, к чему все эти тряпки на окнах? Ничего же не видно! Там так славно, Жень. Тепло, солнце...

Она отстранилась от мужа, быстрыми легкими шагами снова подошла к окну и потянула в сторону штору. Лишившись препятствия, солнечные лучи хлынули сквозь стекла, сразу затопив угрюмую деловитость кабинета.

– Ух ты! – восторженно пробормотал супруг, подходя к ней сзади. – Классно! Может, на выходных шашлычок организуем? Съездим куда-нибудь?

– Посмотрим на твою занятость, – не удержавшись, уколола его Полина и поспешила поскорее отойти от окна.

Ей совсем не понравилось то, что она там увидела. А увидела она все ту же серебристую «Хонду». Только теперь мотоцикл стоял не напротив кафе, из которого она вышла несколько минут назад. А прямо против ворот, через которые Полина вошла, желая увидеться с мужем. Мотоциклист – тот самый стареющий плейбой, – свесив ноги по левую сторону мотоцикла, игривал шлемом, слегка подбрасывая его вверх.

Что, интересно, он там выглядывает? Уж не ее ли? С какой целью? Что вообще он знает о ней? Почему задал вопрос о муже?..

Это был лишь малый перечень вопросов, которые мгновенно выстроились в очередь, имея целью лишить Полину душевного покоя и навязать ей еще и эти проблемы. Мало ей было утренних переполохов – теперь еще и ухажер непонятный откуда-то выискался!

Опасаясь, что Женька невзначай уловит перемену в ее настроении, Полина вернулась к окну, задернула штору и поспешила протеститься.

– До вечера? – Он потерялся гладковыбритой щекой о ее щеку и нежно шепнул ей на ухо: – Только дождись меня, не спи, ладно?

– Постараюсь. – Полина догадливо улыбнулась. – Только ты не очень-то задерживайся со своим вице-президентом. Кстати, это мужчина?

Женька весело и беззаботно рассмеялся, высоко вскидывая подбородок. Так умел смеяться только он и никто больше в этом мире.

– Конечно, мужчина, дорогая, причем очень строгих правил, долго и преданно любящий свою жену и не предпочитающий ей никаких прохвостов вроде меня.

– Дурак. – Полина шутливо стукнула его ладонью по лбу. – Все, уйду. А то мы еще с час будем топтаться у двери.

Она резким движением распахнула дверь и едва не столкнулась лоб в лоб с Лилечкой. В руках у той был крохотный серебряный поднос с одной чашкой дымящегося кофе и парой пирожных на блюдечке. Решила, значит, проявить заботу о своем начальнике. Хотя вполне могла и подслушивать.

Полина ей лишь слабо кивнула и, помахав мужу напоследок, пошла прочь.

Все так же на улице пахло весной, как пахнет только в апреле. Все так же яростно слепило солнце, отражаясь в сотнях окон. Все так же с милой улыбкой ей кивнул охранник, выпуская за ворота, но почему же тогда все стало намного хуже, чем до ее визита сюда? Почему так нестерпимо хочется плакать и ругать нещадно всех тех, кто стал либо прямым либо косвенным виновником ее теперешнего состояния?! И та незнакомка, что подняла ее с постели странным загадочным звонком. И Лилечку с ее беленькой услужливой физиономией и маленькими ручками и ножками, обутыми в крохотные туфельки тридцать пятого размера. И мужа, будь он неладен, который ничего не углядел в ней за своей вечной занятостью и озабоченностью. И этого мерзкого ловеласа, что сидит сейчас прямо у нее на пути и все так же подбрасывает вверх своей гермошлем и криво ухмыляется в ее сторону.

– Привет. – Мотоциклист постарался приветливо улыбнуться ей сизыми губами, но серые глаза смотрели на Полину серьезно и даже настороженно. – Что произошло?

Она прошла мимо него, никак не отреагировав ни на приветствие, ни на вопрос. Просто прошла как мимо пустого места и двинулась в сторону парковки.

Она слышала, как сзади глухо рыкнул мотор «Хонды», и вскоре этот рык раздался прямо за ее спиной.

– Простите, ради бога, – прокричал мужчина, стараясь перекрыть рев своего мотоцикла. – Просто вы стали намного печальнее, чем были. Я подумал, что могу вам чем-то помочь и...

– Чем?! – Полина так внезапно остановилась, что мужчина среагировал не вовремя и его мотоцикл проехал по инерции еще несколько метров вперед.

– Чем вы можете мне помочь?! – обрушила она на него вопрос, когда он повернул обратно и снова подъехал к ней. – И вообще, что вам от меня надо?! Я замужем! И... и идите вы к черту!

И тут, о боги, она заревела! Слезы просто брызнули у нее из глаз, делая все вокруг размытым и неузнаваемым. Ненавистная физиономия перерезанного байкера расплылась до невероятных размеров, а его железный конь сделался величиной с паровоз. В более глупое положение Полина не попадала никогда. Это надо же было довести себя до такого состояния, чтобы расплакаться на глазах у незнакомца! И по какой причине? Причина-то была весьма и весьма призрачной и скорее пахла навязчивой идеей застигнуть врасплох собственного мужа.

Полина отвернулась от незнакомца, порылась в сумочке и, выудив оттуда носовой платок, промокнула им глаза. Потом, зажав платок в руке и не поворачивая головы в сторону замершего в ожидании мотоциклиста, она быстро пошла по направлению к своей машине. Пусть едет следом, если ему так нравится. Она найдет способ от него избавиться, прямо на блокпосту и найдет этот самый способ. Пусть только попробует ее преследовать!

«Пежо» приветливо моргнул фарами. Полина села за руль и, упорно игнорируя навязчивого мотоциклиста, через минуту выехала со стоянки.

«Хонда» потерялась на первом повороте. Только минуту назад ее слепил в зеркале заднего вида солнечный зайчик, отскакивающий от черного стекла шлема, а на первом повороте – исчез. Оно и к лучшему. Полина, попетляв переулками, въехала под дворовую арку, остановила машину у подъезда, где жила ее Ирка. Звонок на мобильный раздался тотчас, стоило ей хлопнуть дверцей.

– Ты что, Полин? – сестра отчаянно зевала. – Так ведь и не уснула из-за тебя. Ну, да теперь уже ни к чему. Поднимайся живее, я щи только что доварила. Сейчас покушаем. Молоденькая капуста, свежие овощи, сметанка. У-уу, пальчики оближешь! Давай быстрее, я уже и хлеба нарезала.

Щи были божественны. И салат великолепен. Но настроение это Полине не прибавило. Она аккуратно сгребла кусочком помидора остатки сметаны с тарелки, отправила в рот и, вяло пережевывая, продолжила прерванный обедом разговор с сестрой:

– Зачем, спрашивается, ему ко мне подсаживаться? Знакомство навязывать?

– Посмотри на себя в зеркало, милая. – Ирка с пониманием дела оглядела сестру с головы до ног. – Ты сегодня просто великолепна. Тебе так идет этот костюм, умереть можно! Неудивительно, что тебя клеят всякие одинокие озабоченные козлы.

– Я и раньше не хуже выглядела, но что-то ко мне никто не приставал, – парировала Полина, находя утешение сестры неубедительным. – И не звонил по утрам, наговаривая гадости...

– Кстати, о звонках. – Ирка щелкнула тумблером чайника и уселась за стол напротив Полины. – Мне сегодня тоже был один звонок... Как думаешь, кто звонил?

– Отец? – когда речь заходила именно о нем, у Ирки всегда становился такой кисло-колющий вид.

– Бери дальше! Мачеха!

– Кто?! – Полина выронила чайную ложку, что-то у нее сегодня с координацией явно было не в порядке. – И что это ей понадобилось от тебя?

– Не волнуйся так, дорогая, она и тебе звонила. Но не застала дома и переадресовала свою просьбу ко мне.

– И что за просьба? Стоп! Хочешь, угадаю? – Полине даже жарко сделалось от невероятности происходящего: об их существовании милая мачеха вспомнила впервые с того дня, как они обе уехали.

Были, правда, еще и свадьбы: сначала Ирины, потом Полины, – но тут опять все прошло без помощи и участия мачехи, сестры ограничились лишь ее присутствием в день бракосочетания.

– Валяй, угадывай! – Ирка встала, налила им обеим чаю, вошла с головой в холодильник и заорала оттуда: – Пирожные будешь? Или как всегда – сырок низкокалорийный?

– Пирожные? – Полина думала не больше секунды. – Буду. Еще как буду! А мамуся наверняка звонила по поводу дочки своей конопатой. Так ведь?

Ирка так резко распрямилась, что больно шарахнулась головой об одну из полок огромного, как шкаф, холодильника. Чертыхнулась, потеряла ушибленное место и удивленно пробормотала:

– Полинка, ты не перестаешь меня удивлять! Надо же, как в точку! Она именно по этому поводу и звонила, представляешь! Вспомнила, что мы живем с тобой в большом городе, что в деньгах теперь вроде бы не нуждаемся и что теперь-то сможем наконец отблагодарить ее за все, что она для нас сделала.

– Вот сука, а! Ей ли после всего рот открывать! – Полина даже передернулась, вспомнив о своем пустом, безрадостном детстве.

– Вот я и говорю... – Вид у Ирки сделался донельзя загадочным. – Может, это она с утра тебе и звонила?

– Нет, – категорично отрезала Полина. – Ее голос я узнаю за сотню миль. К тому же зачем ей плевать в колодезь, из которого она собралась пить? Нет, это не она. Кстати, что ты ей ответила? Отказала?

– Ты знаешь, нет. – Ирка обратила к окну задумчивый взгляд. – Что случится, если эта самая Лизка погостит у нас с тобой недельку-другую? Школу она окончит только в следующем году. Так что у нас с тобой времени предостаточно, чтобы присмотреться к ней и сделать выводы. Возможно, она и не такая дрянь, как ее мамаша, может, она спит и видит, как бы побыстрее слинять из отчего домика. А сейчас давай обсудим в деталях твой визит к Женьке.

– А что тут обсуждать? Я тебе уже все рассказала. – Полина откусила от эклера, обсыпанного сахарной пудрой и дроблеными орехами.

– Нет, ты мне расскажи и покажи, как она стояла. Как ее впалый живот касался его спины и так далее и тому подобное. Кстати, неплохо бы выяснить, где он ужинает с этим самым вице-президентом? Это я возьму на себя. И еще у меня есть одна наметочка, но это уже без тебя... – Ирка загнула еще два пальца, но никак не озвучила идею, сочтя, что сестре незачем об этом знать; настаивать Полина не стала, услышав от сестры в завершение: – Номерок «Хонды», надеюсь, запомнила?

– Обижаешь! – Полина продиктовала сестре ввевшийся в память номер.

– Ладно, теперь это уже не твоя проблема. Я поработаю над всем этим, о результатах доложу. Лады?

– Угу. – Полина с легким сердцем взяла с тарелки второе пирожное и разулыбалась: теперь можно было действительно расслабиться – когда Ирка становилась такой деловитой и категоричной, результат не заставлял себя долго ждать. – Только не тяни.

– Ни в коем разе, дорогая. – Ирка приподнялась со стула и чмокнула ее в макушку. – Мы еще и над телефоном твоим поколдуем, вычислим эту тетку и по башке ей настучим! А сейчас давай пить чай с пирожными, получать удовольствие и говорить о том, как мы встретим Лизку.

Глава 3

ОН позвонил ей за четыре дня до майских праздников. Позвонил тогда, когда у нее уже не осталось сил ждать. И именно тогда, когда она уже была за шаг до сумасшествия от бессилия и ярости, которые изматывали ей душу.

Лиза зашла с трубкой в свою комнату, подперла дверь стулом и, не в силах держаться на ослабевших ногах, хрипло пробормотала:

– Да! Я слушаю!

– Привет, маленький мой, – произнес ОН с такой нежностью, что у нее тут же перехватило горло. – Прости, что долго не звонил, совсем закрутился. Как ты?

– Плохо. – Лиза впервые сказала так, раньше всегда и все у нее было хорошо. – Я очень скучаю, очень.

– Я тоже, детка. – В его голосе отчетливо засквозило изумление. – У тебя что-то случилось?

– И да и нет. – Она думала совсем недолго, прежде чем взяла и все рассказала ЕМУ и о Сашкином шантаже, и о том, что не сможет теперь встретиться с НИМ, и о том, что мать отчего-то стала на редкость подозрительной. Закончила она почти со всхлипом: – Вот такие у меня дела, милый. Я не знаю, что мне делать!

– Так. – ЕГО голос стал строгим и властным. – Во-первых, немедленно возьми себя в руки, раз ты на подозрении у родителей. Им ни к чему видеть тебя в слезах. А во-вторых... А во-вторых, тебе, видимо, придется принять его предложение.

– Но как же так! – Если честно, она была разочарована.

В глубине души она все же надеялась, что ОН в последний момент что-нибудь придумает и все сразу изменится в лучшую сторону. Но ОН оказался тоже не всесильным, в чем терпеливо убеждал ее почти десять минут. Лиза все-таки расплакалась. Тихо, без всхлипов, чтобы не рассердить ЕГО. Прикрыв трубку ладонью, чтобы ОН не слышал, как она хлюпает носом.

– Теперь тебе понятно?

– Да, – ровным голосом ответила Лиза, хотя никто не знал, каких сил ей это стоило. – Я сделаю, как ты велишь.

– Детка, я не велю. – ОН принужденно рассмеялся. – Я лишь прошу тебя об этом, понимаешь?! Так будет лучше для нас обоих. И не нужно думать, что я оставлю выходку этого говнюка безнаказанной. Он еще пожалеет об этом. Поняла меня?

– Нет. – Она и правда не понимала, каким образом Сашка может поплатиться за свой мерзкий шантаж. Не станет же ОН в самом деле вызывать его на дуэль?

– Ну и ладненько, – раздался все тот же ненатуральный смех, от которого у нее по спине отчего-то побежали мурашки. – Тебе и не нужно ничего понимать, малыш. Оставь это мне. Мы увидимся с тобой даже раньше, чем ты можешь себе представить, милая. Жди меня...

ОН повесил трубку, не дав ей опомниться и задать еще хотя бы пару вопросов, чтобы хоть что-то понять и не пугаться той зловещей неизвестности, которая нависла над ней после ЕГО слов. Вернее, даже не над ней, а над идиотом Сашкой, возомнившим себя очень крутым и очень умным.

Лиза несколько минут сидела без движения. Потом вытерла мокрые щеки. Посмотрелась в зеркало, висевшее над ее столом, и, убедившись, что выглядит вполне даже ничего, вышла из комнаты.

– Кто звонил? – мать сплевывала в пригоршню косточки от вишни из компота и смотрела второй из пяти сериалов, которыми она заполняла свои вечера.

– А, ребята из команды, – Лиза прошла мимо нее в прихожую и пристроила трубку на аппарат.

– Че им надо-то? – Мать с подозрением посмотрела ей вслед.

– Да все насчет похода, – без зазрения совести продолжила врать Лиза, скидывая домашние тапочки и вдевая узкие ступни в дворовые босоножки (в них она выносила мусор, а то и просто торчала у подъездной двери). – Я к Сашке, ма. На минутку.

– Давай, давай. – Против Сашки мать никогда ничего не имела и всячески потворствовала их дружбе, которую считала искренней и преданной. – Там, я слышала, Степка вернулся. Говорят, при деньгах! Вишь, как получается-то! Кто из Чечни в гробу цинковом возвращается, а кто при бабках да на крутом мотоцикле...

Конец ее фразы Лиза не дослушала, так как уже звонила в соседнюю дверь к Новиковым. Открыли сразу же, точно долго стояли за дверью и ждали, когда она придет.

– Привет. – Сашка стоял с половой тряпкой в руках, с которой тонкой струйкой стекала вода прямо на его босые ступни.

– Привет. – Лизе даже улыбку из себя удалось выдавить. – Уборкой, что ли, занимаешься?

– Типа того. – Он в сердцах шмякнул тряпку об пол, шмыгнул носом, тут же начал вытирать руки прямо об штаны, попутно лихорадочно озираясь, стараясь отыскать тапки.

– Можно войти? – Вопрос был риторическим, так как сюда она могла войти когда угодно и сколько угодно раз.

– Проходи, конечно. Я щас... – пробубнил Сашка уже ей в спину.

Лиза вошла в комнату и огляделась. Чистоту Сашка навел образцово-показательную. Даже своим гантелям и тяжеленным железякам нашел место, спрятав их куда-то. Покрывала на диване и креслах, не в пример своему обычному состоянию, были аккуратно расправлены. Стекла маленького старомодного серванта сияли, книги и посуда стояли почти в геометрическом порядке. Все было ясно. Приехал Степка и дал разгон младшему брату, превратившему жилище в пещеру неандертальца. Вот Сашка и поспешил вооружиться тряпкой, потому что Степку любил самозабвенно и преданно, чуть-чуть побаивался, а еще уважал очень.

Лиза подошла к другой двери, которая вела в спальню братьев, и прислушалась. За дверью было тихо: то ли Степка отдыхал после тяжелой командировки, то ли его там просто-напросто не было.

– Степку пасешь? – догадливо хмыкнул за ее спиной Сашка. – А его нет. Уехал прокатиться. Тачку пригнал шикарную, не видела?

– Не-а. – Лиза опасливо оглянулась, слишком уж близко и незаметно подошел к ней ее сосед и воздыхатель по совместительству. – А зачем это мне его пасти, не скажешь?

– Ну... причин много. Настучать на меня, например. – Сашка догадливо ухмыльнулся и показал ей на диван. – Ты присаживайся, пока его нет. Подожди, если нужен.

– Ладно, не парься! – Лиза мгновенно разозлилась, то ли оттого, что он так умело сумел прочесть ее мысли, то ли оттого, что сама затея воздействовать на Сашку через Степана показала ей теперь совсем никудышной. – Нужен мне твой Степка! Я к тебе пришла, вот!

– Да ну?! – Сашка скрестил руки перед собой и сунул мгновенно сжавшиеся кулаки под мышки. – И чему обязан?

Лиза фыркнула презрительно и села для начала на диван. Покрывало под спиной тут же натянулось и поползло вниз. Заправил, называется! Тот еще уборщик!

– Поговорить надо. – Лиза похлопала по сиденью дивана рядом с собой. – Ты тоже присядь, а то напрягаешься как-то уж очень.

Не переставая кривиться в дурацкой ухмылке (вот еще взял прикол на вооружение!), он подошел к дивану и рухнул на него как подкошенный. Конечно же, покрывало тут же съехало полностью. Но на это никто из них не обратил внимания. Они вдруг одновременно отвернулись друг от друга, уставились каждый в свою точку и замолчали.

Молчали они так долго и напряженно, что стало слышно, как бешено ухает сердце у Сашки в груди.

– Саш. – Лиза решилась первой. – Давай не пойдем в этот поход, а?

– Нет! – отрезал он, так и не повернув к ней лица. – Осталось четыре дня. Все готово. Мы идем. Тебе что...

Тут он все-таки повернулся к ней и даже осмелился ухватить ее за плечо и развернуть к себе.

– Тебе что, хахаль твой не велит?!

– При чем тут он?! – снова взвилась Лиза и попыталась освободиться от его цепких пальцев. – Пусти!

– Не пушу! Никуда не пушу!

Лиза даже не сразу поняла, что он сделал. Только что вроде бы держал ее за плечо железной хваткой и тут же вдруг опрокинул ее на спину и навалился сверху. Все произошло так неожиданно, так молниеносно, что она даже не успела испугаться – просто изумленно заморгала, пытаясь отодвинуть свое лицо от Сашкиного и скинуть нежелательную тяжесть с себя.

– Ты че, совсем с катушек прыгнул, что ли?! Сашка! Мне тяжело, дурак!

– Лиза... – Он шумно задышал ей в ухо, не отпуская, но все же чуть приподнимаясь на локтях. – Неужели ты ничего не понимаешь?!

– Я понимаю то, что мне тяжело, понял? Отпусти! – От его неумелой неловкости и волнения ей вдруг сделалось смешно. – И прекрати дуть мне в ухо, мне щекотно!

Сашка отпрянул и снова сел, но на этот раз не стал отворачиваться, а уставился на нее такими глазами, что впору было считать его больным.

– Ты что это?! – Она с силой ударила его кулаком по плечу, рука у нее была сильной, и удар получился весьма ощутимым, но он даже не поморщился. – Как мне после этого идти с тобой куда-то?! Разве я могу тебе доверять?!

– Можешь! – вполне серьезно заявил он, и в его взгляде появился намек на осмысленность.

– «Можешь»! – передразнила его Лиза. – Начнешь там ко мне возле каждого куста приставать как дурак, я прямо не знаю... А я маме обещала, что все будет хорошо. Она же тебе верит.

– А ты веришь? – вставил он, тут же устыдившись и опустив голову.

– Как я могу тебе верить после сегодняшнего? Пришла поговорить, а он кидается на меня, как собака на кость. – Лиза оскорбленно вскинула подбородок, еле сдерживаясь, чтобы не прыснуть; и что это ее так разобрало, непонятно. – А в лесу что тогда будет?

– Ничего не будет, клянусь! Я и маме твоей обещал, что присмотрю за тобой. Не позволю никому тебя обидеть и сам... не обижу.

– А сейчас что было? – Лиза решила до конца быть твердой.

– Прости, не сдержался. Ты такая... – Его взгляд снова сделался взглядом тяжелобольного человека. – Ты такая красивая, Лизка. С тобой рядом кто угодно голову потеряет. Так что я даже понимаю этого твоего козла на «Лексусе»...

Напоминание о НЕМ тут же ее отрезвило. Ведь шла с вполне серьезным намерением отговорить Сашку от похода, а ничего не получилось. Ведут какой-то ненужный, ничего не значащий разговор, а проблема может возникнуть серьезная. И зачем только она рассказала ЕМУ о Сашкиных притязаниях?! Мучайся теперь сознанием собственной вины! Кто бы мог подумать, что она так за Сашку испугается!

– Саш, а может, мы не пойдем с тобой в поход, а? – Лиза посмотрела на него почти умоляюще. – Давай к моей бабке махнем с родичами, так все же спокойнее как-то.

– Чего ты боишься, не пойму? – Сашка положил левую руку на спинку дивана и снова навис над ней. – Ты что-то скрываешь от меня?

– Что мне, интересно, скрывать от тебя? – попробовала возмутиться Лиза, но под его взглядом ей сделалось очень неудобно, с его глазами вообще сегодня творилось черт-те что. –

Просто поход затевается какой-то идиотский. Что за экстремальные условия? Почему нас на самолете поволокут туда, а не обычным видом транспорта, автобусом, например? Что это за умение выживать? Слышала, кто-то из выпускниц в туалете болтал, что там даже наставников старших на все группы не хватает! Прикинь, что за бардак там может случиться!

– А-аа, вот чего ты боишься, понял, не дурак. – Сашка встал с дивана и пошел бродить по комнате, на ходу пиная босой ступней крохотный металлический шарик (наверняка из какой-нибудь его железяки выпал). – Только зря ты, Лизка, печалишься. Все там будет тип-топ: и наставников на всех хватит, и меры безопасности обеспечат, будь уверена. А вот почему самолетом, я и сам не знаю. Уверен, причина более чем прозаичная...

Сашка ошибся почти во всем.

Старших было всего двое, и это на целых пять групп, в каждой из которых было по четыре человека! Снаряжение было, правда, первоклассным, с яркими нашлепками знаменитых фирм, а вот продуктов им выдали очень мало. Объяснение звучало очень неубедительно: они должны будут сами добывать себе пищу! Где, интересно, в наших лесах можно добыть себе пропитание, если леса наводнены отдыхающими, использованными консервными банками и пустыми бутылками из-под пива? Ребята принялись роптать, когда им зачитали условия. Но потом все разом примолкли, задумавшись, потому что победившая команда награждалась правом зачисления вне конкурсных условий на спортивный факультет местного педагогического института. Это был шанс.

– А почему самолетом? – выкрикнула с места Лиза, помня о Сашкином прогнозе, что причина будет более чем прозаичная.

Причина оказалась почти зловещей. Самолет за день должен был покрыть куда большее расстояние, чем автобус. К тому же места высадки с парашютом(!) были не только недоступны автотранспорту, но также труднопроходимы. И везти их собирались, оказывается, не в окрестные хилые березовые перелески, насквозь продуваемые ветрами, а в один из заповедников, куда лету было почти шесть часов.

– Ничего себе! – испуганно прошептала Лиза и метнула затравленный взгляд по шеренге переговаривающихся меж собой участников.

Втянул ее Сашка в историю, нечего сказать! Беспрецедентная акция! В гробу она видала такие подвиги! Целую неделю наедине с природой в самой гуще заповедных мест. Там наверняка и зверье дикое имеется, и много еще чего похуже. Знала бы, что все так плохо, ни за что бы не пошла у него на поводу...

Он вон стоит и улыбается Лариске Сальниковой из их группы и, кажется, даже рюкзак вызвался ей дотащить до самолета. Ну что же, это ничего, это, может, и к лучшему. Меньше возле нее будет тереться. Еще один участник их группы – незнакомый ей парень, вроде из школы соседнего города – держался особняком. Правда, Лиза несколько раз ловила на себе его напряженный, изучающий взгляд, но подойти к ней он так и не решился.

– Что-то не так? – Их физрук и ответственный за всю эту лабуду под названием «Беспрецедентная акция» ободряюще похлопал Лизу по спине. – Чего скисла? Боишься?

– Да нет, не особенно, – Лиза пожала плечами, которые уже порядком натерли лямки рюкзака, и метнула злобный взгляд в спину удаляющегося с Лариской Сашки: не мог у нее забрать рюкзак, гад. – Просто непонятно все как-то... А вдруг что-то случится?

– Так у вас рация есть, несколько запасных батарей питания, ракетница и еще есть одна штукавина... – Физрук огляделся по сторонам и, прильнув к ее уху, громко зашептал: – Говорю только тебе. Это, Лизок, должно остаться секретом, понимаешь?

– Конечно!

– Так вот, у каждой из групп есть жучок слежения. Где – не скажу, а в центральном штабе, куда вы должны добраться в самые кратчайшие сроки, – электронное табло, где ваше

местоположение будет видно как на ладони. Теперь поняла, что все продумано до мелочей и что степень риска минимальна? К тому же территория заповедника будет оцеплена...

Тут его окликнули, и он поспешил объявить посадку в автобус, который должен был доставить все пять групп на загородный аэродром.

Невзирая на его уговоры, Лиза почувствовала себя еще хуже. Странная тревога все разрасталась и разрасталась в ее душе. Все было необъяснимо и непонятно.

Она уже не боялась того, что ОН каким-то образом сумеет наказать безмозглого самоуверенного Сашку. Попробовал бы ОН достать их в такой глуши, как же! Она не страшилась неудобств лесных чащоб, потому что и на байдарках ходила, пробиралась по порожистым горным рекам и одной банкой тушенки им хватило на два дня на троих на тех прошлогодних спортивных сборах, когда они отбились втроем от общей команды. Нет, трудностей подобного рода она не боялась. Она боялась чего-то еще, чего-то такого, что, по ее мнению, должно было случиться непременно.

Ребята уселись в автобус, громко переговариваясь и прикалываясь друг над другом. Ни у кого не хватило ума струсить или запроситься домой. А вот она бы это сделала с удовольствием, тем более что истинный виновник ее теперешнего присутствия, кажется, нашел себе новое утешение и вовсю балагурит с Лариской. Она – как «не пришей рукав» их команде. Хотя подобное изречение можно было бы отнести и к четвертому участнику. Тот также сидел никем не замечаемый и обойденный вниманием. Сидел, кстати, на соседнем, через проход, сиденье.

– Привет. – Лиза тронула его за рукав куртки. – Как тебя зовут?

– Меня не зовут, я сам прихожу, – грубо отозвался он, неприязненно покосившись на ее руку, оставшуюся лежать на его локте.

– Извини... – пробормотала Лиза потрясенно и поспешно убрала руку. – Я просто думала, что раз уж так получилось, что мы в одной команде, то стоило бы...

– Звонарев, – произнес он все тем же неприятным голосом. – Звонарь – погоняло. Сергей в миру, короче. А команда у нас – дерьмо! Ее и командой-то назвать западло. Командир вовсю клеит эту телку, Лариску, кажется. А она вообще дура душой. Как с таким быдлом мы сможем обскатать всех, я не представляю. А ты?

– Я? – Лиза растерялась, меньше всего она сейчас думала о каких-то результатах, ее больше занимала странная тревога, которая все никак не хотела униматься и трепала ее за душу. – Я даже не знаю...

– Понятно, – злобно фыркнул Звонарев Сергей и вроде бы выругался. – Вы тут все из чисто спортивных соображений или от скуки. Вам этот сертификат на поступление – как одному месту дверца. А мне...

– А тебе? – подначила его Лиза, потому что Звонарев внезапно умолк.

– А у меня это последний шанс, понятно?! – Он даже, кажется, зубами скрипнул, настолько его переполняли непонятные ей чувства. – И коль уж судьба так жестоко посмеялась надо мной и свела меня в одной команде с таким мудаком, то...

– То что? – опять подтолкнула она его, так как пауза повисла снова.

– То я не позволю вам все испортить, так и знайте!

Вот оно! Лиза даже съежилась от его взгляда, которым он смерил ее с головы до ног. Вот оно – то, что изглодало ее! Вот она, проблема, – в этом парне, который, не зная их совершенно, уже заведомо всех ненавидит! Он может наломать таких дров, что...

Лиза не могла себе даже представить, какие испытания ждут ее впереди. Если бы она обладала даром предвидения, то без зазрения совести выпрыгнула бы из автобуса прямо на ходу, но знамения сверху не случилось, и уже через полчаса они грузились в самолет, а еще через пять минут шасси плавно оторвались от земли, унося их от родного города навстречу неизведанному.

Глава 4

– Ирка! – голос Полины звенел от обиды, слез и отчаяния. – Она снова позвонила, представляешь?!

– Так... – Сестра угрожающе выдохнула прямо ей в ухо, так, во всяком случае, получилось, потому что общались они посредством телефона. – А ну, прекрати истерику! Что ты орешь с самого утра?! Какой-то дуре вздумалось морочить тебе голову только потому, что она имеет виды на твоего Женьку, а ты уже готова голову пеплом посыпать. Успокоилась?

Хорошо ей говорить! Полина обвела затуманенным слезами взглядом свою спальню. Сегодня комната уже не казалась ей такой милой и уютной. Сегодня все вокруг нее было окрашено зловещими тонами и она была уже почти на грани отчаяния, если не сказать больше.

– Ну? – призвала ее к ответу Ирка. – Почему ты молчишь? Ревешь, что ли, или как?

– Или как. – Полина быстро вытерла глаза. – Я как от толчка проснулась ровно за минуту до ее звонка. Проснулась – и не пойму, в чем дело. Ну, я в том смысле...

– Я все поняла, не увлекайся!

– Лежу на кровати и безотрывно смотрю на телефон: позвонит или нет? И тут этот звонок. Ирка, это... это уже серьезно, понимаешь? Она опять то же самое говорила. «Ваш муж вас обманывает». Я еще попыталась у нее уточнить, намекнула ей про возможную измену. А она...

– А она?! Что ты мне нервы мотаешь, говори толком! – Ирка гневно чертыхнулась. – Так что там она, я услышу или нет?

– А она говорит, что это было бы самым милым и приятным в данной ситуации, представляешь? Я уже не знаю, что мне и думать! – Слезы снова закапали из глаз Полины, намочив край кружевной сорочки и угол шелкового пододеяльника, который она нервно мяла в руках. – И еще добавила, что если бы я была умной девочкой...

– Так прямо и сказала? – перебила ее нетерпеливая сестра.

– Да! Что если бы я была умной девочкой, то давно бы уволила его милую секретутку! Ирка! Что мне делать?! – Полина громко всхлипнула, роняя голову на подушку. – Я в отчаянии!

Ирка молчала минуты три, не больше. Потом спросила:

– Во сколько он вчера вернулся?

– Не вчера, а уже сегодня! Ближе к трем. – Полина вдруг насторожилась. – А почему ты спрашиваешь? Что-то узнала, да?

– Ничего я не узнала, просто... – Сестра замялась. – Не поздновато для делового ужина?

– Ну... не знаю, он обычно так с деловых встреч возвращается. Никогда у меня вопросов не возникало. Считаешь, должны?

– Ох, я, Полин, и правда не знаю, что сказать. Знаю только, что мой Антон с таких деловых встреч на четвереньках приползает, так и он ухитряется управиться только часам к двум ночи. Вот задачку нам задала твоя дамочка! Что делать-то будем? Может, в милицию позвонишь?

– Ты с ума сошла? – зашипела на нее Полина гневно. – Какая милиция?! Что я им скажу? Что кто-то взялся меня будить по утрам таким вот образом? Знаешь, что они мне ответят?

– Что? – недовольно буркнула Ирка.

– Что это всего лишь хулиганство. И посоветуют мне на работу устроиться, а не валяться в постели до полудня или что-нибудь в этом роде. К тому же я не хочу сюда никого впутывать.

– Почему это? Огласки боишься? – Голос сестры стал подозрительно вкрадчивым. – Ну, мне-то ты уже рассказала.

– Так то ты! А люди посторонние мне в этом деле ни к чему. Буду сама разбираться. – Полина потерла свободной рукой лоб и тяжело вздохнула. – Раз уж так получилось...

– Интересно, как ты это собираешься делать? Наймешь частного детектива? Представляешь, что будет, если Женька об этом узнает? Он тебя в порошок сотрет. – Ирина снова выругалась.

– Нет, частного детектива нельзя привлекать. У нас хоть и большой город, но на самом деле такой тесный, что непременно на кого-нибудь нарвешься. Попробую сама.

– Ага! Сама! – возмущенно фыркнула сестрица. – Наденешь маскировочный халат, прибор ночного видения, насыешь ему везде «жучков», заляжешь в овраге и будешь прослушивать все его разговоры. Это же бред, Полина! Опомнись!

– Тебе легко говорить, – плаксиво встала Полина, свешивая ноги с кровати, намереваясь встать. – Твой Антоха весь из себя пьяный и понятный. С ним никогда и ничего не происходит, кроме похмелья.

– Да иди ты!..

Ирка бросила трубку. Обиделась, наверное. А что же на правду обижаться? Полина под каждым своим словом подпишется раз семьдесят. Более безобидного человека, чем Антон, ей встречать не приходилось. Заподозрить его в чем-то, кроме любви в зеленому змию, было просто невозможно. К тому же Ирку он обожал до душевного трепета и терпеливо сносил все тумачи и оплеухи, которыми она его награждала при встречах в прихожей. Антон лишь виновато мотал хмельной головушкой и приговаривал:

– Ирустик мой, любимый мой, ты только не нервничай! Я тебя умоляю, сладенький мой...

Кончалось все это тем, что Ирка тащила его волоком в ванную, стаскивала с него всю одежду и засовывала под ледяной душ. Антон повизгивал, как щенок, тряся всем телом, но и в этом случае лишь благодарно улыбался. Ирка кутала его затем в теплый халат и волокла в спальню, где Антон тут же засыпал сном праведника. Утром, как правило, он извлекал откуда-нибудь из своих карманов миленькую золотую безделушку или энную сумму денег и принимался ходить вокруг супруги кругами и вымаливать прощение.

Все всегда было предсказуемо до уныния. Ирка к этому давно привыкла и, если Антон вдруг неделю никуда не выходил из дома, начинала к нему с подозрением приглядываться и маяться от бездеятельности. Зачем тогда было на Полину обижаться-то?..

Полина заправила кровать, долго и с тоской глядела на след на подушке, оставленный Женькиной головой. Она даже не слышала, как он пришел. Время его возвращения Ирке назвала просто так, от фонаря. В два часа ночи его еще не было. Потом она уснула. Когда встала в половине четвертого попить воды, Женька уже спал, широко раскинувшись на своей половине кровати. Дышал ровно и спокойно. Так, по ее понятиям, мог спать человек с незапятнанной совестью и чистыми помыслами. Утром он осторожно собрался, боясь ее потревожить. Перед уходом, как всегда, нежно поцеловал ее. Полина даже сквозь сон всегда чувствовала, как он ее целует. Все было как обычно, ничто, как принято говорить в таких случаях, не предвещало несчастья. Чего же тогда нужно той злобной тетке, которая названивала ей уже второе утро подряд?!

После душа и легкого завтрака, состоящего из овсянки и сока, который она заставила себя проглотить, Полина почувствовала себя немного лучше.

Нет, ее старшая сестра права на все сто. Не стоит впадать в раж из-за какой-то психопатки. Мало ли кому взбрело в голову портить ей кровь, не идти же из-за этого на поводу у чужой злобы? Нужно все спокойно обдумать, сопоставить, проанализировать имеющиеся у нее факты, а затем уж...

Полина накинула на плечи теплую мохеровую кофту и вышла на веранду.

Канун майских праздников выдался теплым и солнечным. На небе ни облачка. Легкий ветерок лениво шевелил широкопалые листья двух пальм, которые они с Женькой вытаскивали с первым теплом на улицу. Меж кадок с пальмами стояла пара плетеных кресел и плетеный столик. Здесь они с Женькой часто коротали теплые вечера, мечтали о чем-то, строили планы,

обсуждали прожитый день. Это со временем стало почти ритуалом. Каждый из них по-своему этим дорожил, и если возникала нужда поговорить о чем-то важном, то они всегда шли сюда.

Полина взобралась с ногами в одно из кресел, зажмурила глаза, подставив лицо теплему весеннему солнцу, и долго сидела без движения задумавшись.

Что ни говори, а задуматься было о чем. И сколько бы ни брала под сомнение Ирка серьезность намерений незнакомки, отмахнуться от всего этого просто так не удастся. Другой вопрос – нужно не психовать, а постараться успокоиться и разобраться во всем трезво. Полина всегда славилась умением выуживать из огромного потока информации рациональное зерно. Редко поддавалась беспричинной панике. Ей удавалось сохранять самообладание даже в бесчисленных баталиях со злобной мачехой. Отчего же тогда так тревожно у нее на душе сейчас? Не потому ли, что все происходящее не просто чья-то хулиганская выходка, а вполне нешуточное предостережение ей конкретно? Страшно поверить в это, почти невозможно, но усилие над собой сделать все же придется, и придется все же что-то предпринимать, а не вопить каждое утро на ухо сестре о своих неприятностях. В конце концов, у нее своя жизнь и свои проблемы.

Итак, с чего начать?

А начинать нужно с Лилечки. Видимо, неспроста незнакомка завела о ней разговор. Да и вчерашний визит Полины в офис мужа не привнес в ее душу успокоения. Почему они оба так растерялись, увидев ее? С какой стати Лилечка прильнула грудью, которая, к слову сказать, едва угадывалась, к плечу ее мужа? Потом без стеснения начала влезать в их разговор, что совсем уж было неумно с ее стороны...

Так, что еще ей не понравилось в тот момент? Женька! Да, точно. Можно сколько угодно обманывать себя, но он выглядел каким-то потерянным. И когда она напонила ему о приглашении на вечер, он просто не знал, куда себя девать.

Как же выяснить, с кем и где он мог ужинать, а заодно навести справки о его услужливой секретарше? И где можно раздобыть такие сведения?

Полина раздумывала всего минуту. Стремительно поднялась с кресла и едва не бегом ворвалась в дом.

У каждого делового человека, если он действительно деловой, есть в доме компьютер, в котором должна была находиться масса всевозможной информации. Женька не был исключением. Правда, дома он ограничивался портативным, его ноутбук всегда лежал на видном месте в их спальне – на инкрустированном столике у окна. Полина могла поклясться, что не видела его там уже неделю. Правда, раньше у нее не было причин заинтересоваться: почему так? А сегодня... А сегодня она облазила весь дом, включая крохотные кладовки с зимним снаряжением для рыбалки и для лыжных прогулок. Компьютер ее мужа исчез бесследно.

– Почему? – Полина нахмурилась, сдувая со лба прядь волос, выпавшую из прически. – Куда ты его дел, Женька? И почему? У тебя же есть еще один, который ты всегда возишь с собой...

Отвечать было некому. Тут еще так некстати пришла Нина Ивановна, и поиски пришлось прекратить. Полина вышла к ней в холл и уставилась на домработницу, которая вертела в руках какой-то клочок бумаги и, беззвучно шевеля губами, что-то пыталась на нем прочесть.

– Доброе утро, – окликнула ее Полина, заинтересованно поглядывая на то, что было в руках у Нины Ивановны. – Почта?

– Даже не знаю. – Нина Ивановна недоуменно развела руками и тут же протянула ей листок. – Взгляните сами, Поляночка.

Это был обычный листок из обычной школьной тетради в клетку, вернее, не целый листок, а третья часть его, аккуратно обрезанная ножницами. На нем не было ни имен, ни фамилий. Просто в самом центре его значилась дата: 21.06.98 г. – и все, больше ничего не было. Цифры были выведены черным маркером. Аккуратно, чертежным шрифтом, обведены несколько раз.

– Что это? – Полина недоуменно разглядывала тетрадный листок.

– Не знаю, Полиночка! Лежало в почтовом ящике. Я обычно в это время туда не заглядываю: рано еще для почтальона-то. А тут смотрю: уголок бумаги какой-то торчит. Дай, думаю, загляну – опять сорванцы что-нибудь засунули. А там вот это...

Почтовый ящик располагался по ту сторону забора. Он был закреплен на длинной ножке слева от въездной дороги, ведущей к гаражу, это было очень удобно: не нужно было вскакивать всякий раз и нестись к калитке, чтобы встретить почтальона. Но опять же, это европейское новшество имело ряд неудобств. Некоторые несознательные граждане, в основном подзагулявшая молодежь, иногда могли позволить себе вольность и втиснуть в их ящик какую-нибудь дрянь. Пару раз Нина Ивановна, жутко краснея, выживала оттуда порнографические фотографии, несколько раз – скомканные сигаретные пачки и окурки. Но такого вот послания не случалось никогда.

– Как думаете, что это такое? – Стараясь говорить спокойно и не вслушиваться, как тут же бешено скакнуло ее сердце, Полина пристально посмотрела на домработницу.

Та казалась на редкость спокойной и, переодевшись, уже вооружилась пылесосом.

– Не знаю, деточка. – Нина Ивановна недоуменно пожала плечами. – Я так думаю, что это какая-то дата.

– Какая? – продолжила приставать к ней Полина, теребя поясик утреннего халата.

– Откуда же мне знать?! – Нина Ивановна вдруг озадачилась, притормозила и с плохо скрытым изумлением уставилась на свою хозяйку. – Если бы это было двадцать второе июня, то я бы еще поняла, потому что это дата начала войны. А двадцать первое... Нет, ни о чем мне эта дата не говорит. К тому же год-то уж больно не юбилейный. Понятия не имею.

Она повернулась к Полине спиной и ушла, что-то недовольно бубня вполголоса в адрес необязательных людей, рассылающих всякий вздор. А Полина продолжила изучать злополучную бумажку.

Имеет она или нет отношение к утренним звонкам? Скорее всего, да. Иначе как объяснить появление этого клочка бумаги в их почтовом ящике? Молодежь, которая бродит по окрестностям, не стала бы изощряться таким вот образом. Там все незатейливо: либо порно, либо мусор. Такими заморочками они себя утруждать не станут. Стало быть, дама, звонившая утром, устала от ее непонимания и решила подсунуть ей подсказку. Так, что ли? Возможно, да, а возможно, и нет, потому что в таком случае она могла бы вместо этой дурацкой даты подложить в их ящик послание с чем-нибудь более конкретным. Полине, например, эти несколько цифр ни о чем не говорят. Никаких значительных событий, чрезвычайных происшествий либо светопреставлений летом девяносто восьмого года не происходило.

Она сама тогда училась в институте. В это время у нее наверняка была сессия или практика. У Женьки, кстати говоря, тоже. И если эти каракули имеют целью обличить его, то в какой связи? Он что же, пользовался на экзаменах шпаргалками или нагрубил преподавателю? А может быть, они всей группой изнасиловали весь преподавательский состав?

Последнее предположение Полину рассмешило. В подобных домыслах можно упражняться сколько угодно, не приблизившись к истине ни на шаг. А истина, видимо, не так уж и далека. Разгадка кроется в этих вот нескольких цифрах, которые к настоящему моменту уже стали историей.

Решение возникло так же внезапно, как и желание покопаться в Женькином компьютере. И если с компьютером у нее ничего не вышло, так как он самым невероятным образом куда-то исчез, то уж посещению библиотек их города ей вряд ли кто сможет помешать.

– Я в город! – стараясь перекрыть рев пылесоса, прокричала Полина в сторону гостиной, где трудилась Нина Ивановна. – Когда буду – не знаю.

– А если Евгений позвонит? – озадачилась домработница, отключая пылесос. – Что мне ему сказать?

– Скажите... – Лгать ей не хотелось, поэтому она с легкой улыбкой произнесла: – Скажите, что я люблю его больше жизни!

Нина Ивановна одобрительно качнула головой и снова принялась за уборку. А Полина, одевшись без былой тщательности, пошла в гараж.

Через пятнадцать минут она уже въезжала в город. Недолго поколесив, она остановилась около здания института, который они с Женькой окончили не так давно. Помещение студенческой библиотеки находилось в другом корпусе. Полина без труда договорилась о том, что просмотрит все подшивки студенческой газеты за девяносто восьмой год. Молоденькая студентка, помогавшая библиотекаря во время практики, провела ее к дальним стеллажам и через мгновение выложила перед Полиной четыре пачки их студенческой «летучки».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.